РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
№ 4/86
Апрель
ISSN 0131—5994

Одним из первых актов Советской власти было принятие ленинского Декрета о мире. В докладе В. И. Ленина на II Всероссийском съезде Советов были сформулированы новые принципы международных отношений.

«Наша социалистическая республика Советов,— говорил В. И. Ленин,— будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов».

Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, мирные инициативы Советского Союза, провозглашенные на XXVII съезде нашей партии, есть воплощение ленинской политики мира в наши дни.

На снимках манифестации миролюбивой общественности в странах Европы.

№ 208. Пятница. 27 октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

ЦѢНА: въ Петроградѣ 15 коп. на ст. жел. д. 18 коп.

Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Декретъ о мирѣ,

принятый единогласно на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ ...оя 1917 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 16 (24638) Четверг, 16 января 1986 года Цена 4 коп.

ЗАЯВЛЕНИЕ Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

ОСНОВЫ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мы живем в реальном мире и свою международную политику строим с учетом конкретных особенностей нынешнего этапа международного развития. Его творческий анализ, видение перспективы привели нас к выводу, и очень существенному. Сегодня как никогда важно найти пути более тесного и продуктивного сотрудничества с правительствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле, со всеми народами ради создания всеобъемлющей системы международной безопасности.

Принципиальные **Основы** такой системы представляются следующим образом:

1. В военной области

— отказ ядерных держав от войны друг против друга или против третьих государств — как ядерной, так и обычной;

— недопущение гонки вооружений в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полная его ликвидация, запрет и уничтожение химического оружия, отказ от создания других средств массового истребления;

— строго контролируемое снижение уровней военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности;

— роспуск военных группировок, а как ступень к этому — отказ от их расширения и образования новых;

— пропорциональное и соразмерное сокращение военных бюджетов.

2. В политической области

— безусловное уважение в международной практике права каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития;

— справедливое политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов;

— разработка комплекса мер, нацеленных на укрепление доверия между государствами, на создание действенных гарантий от нападения на них извне, неприкосновенности их границ;

— выработка эффективных методов предотвращения международного терроризма, включая безопасность пользования международными наземными, воздушными и морскими коммуникациями.

3. В экономической области

— исключение из международной практики всех форм дискриминации; отказ от политики экономических блокад и санкций, если это прямо не предусматривается рекомендациями мирового сообщества;

— совместный поиск путей справедливого урегулирования проблемы задолженности;

— установление нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств;

— разработка принципов использования на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, части средств, которые будут высвобождаться в результате сокращения военных бюджетов;

— объединение усилий в исследовании и мирном использовании космоса, решении глобальных проблем, от которых зависят судьбы цивилизации.

4. В гуманитарной области

— сотрудничество в распространении идей мира, разоружения, международной безопасности; повышение уровня общей объективной информированности, взаимного ознакомления народов с жизнью друг друга; укрепление в отношениях между ними духа взаимопонимания и согласия;

— искоренение геноцида, апартеида, проповеди фашизма и всякой иной расовой, национальной или религиозной исключительности, а также дискриминации людей на этой основе;

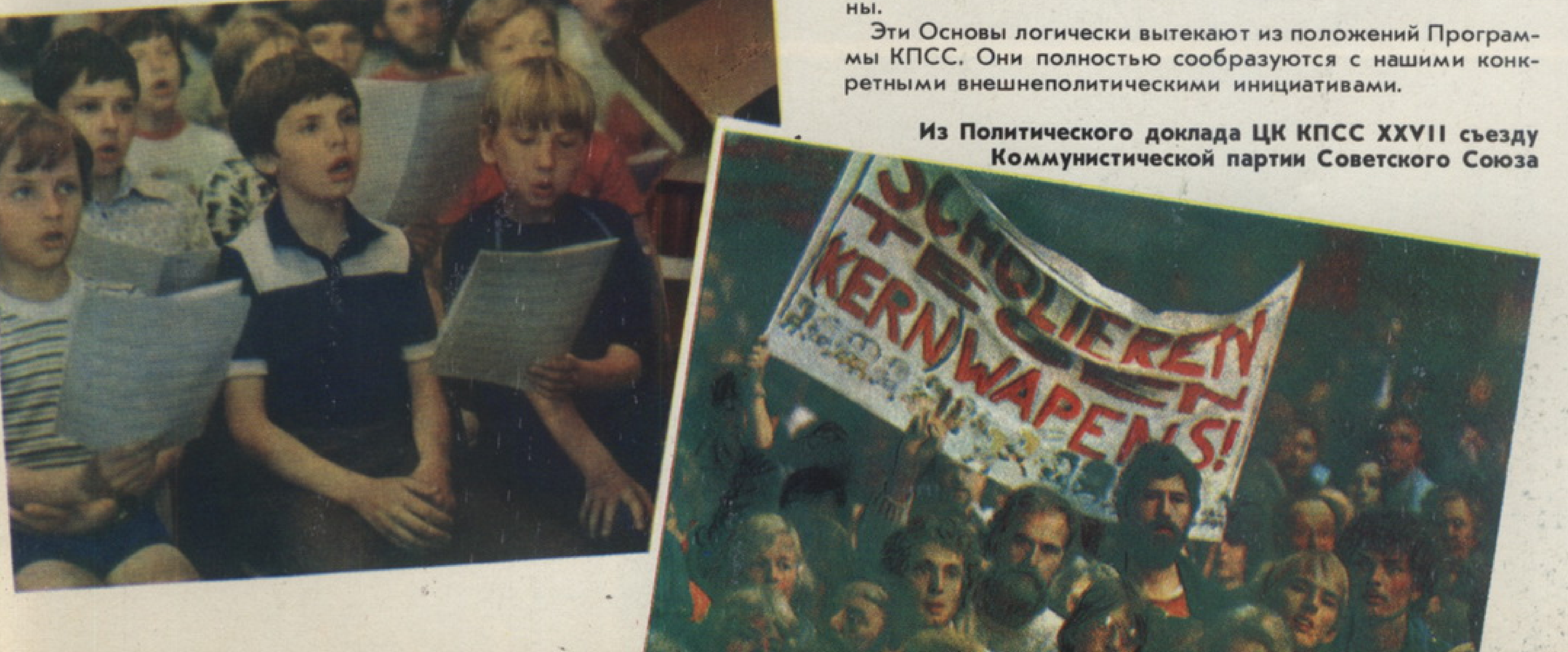
— расширение — при уважении законов каждой страны — международного сотрудничества в осуществлении политических, социальных и личных прав человека;

— решение в гуманном и позитивном духе вопросов воссоединения семей, заключения браков, развитие контактов между людьми, организациями;

— укрепление и поиски новых форм сотрудничества в сфере культуры, искусства, науки, образования и медицины.

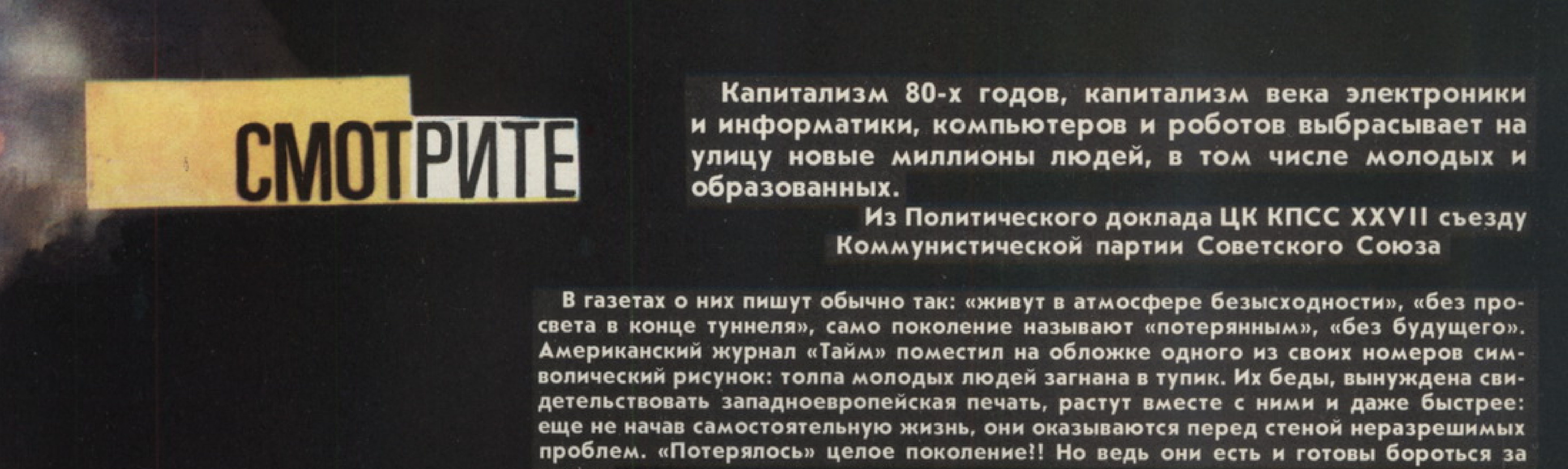
Эти Основы логически вытекают из положений Программы КПСС. Они полностью сообразуются с нашими конкретными внешнеполитическими инициативами.

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

TU, CHE
E BANCHE
TRIESTE - TRST
FINANZIARIA: UN PRETESTO
BOYCOTT CLASSES
HONK
Blue Point

СМОТРИТЕ

Капитализм 80-х годов, капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов выбрасывает на улицу новые миллионы людей, в том числе молодых и образованных.

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

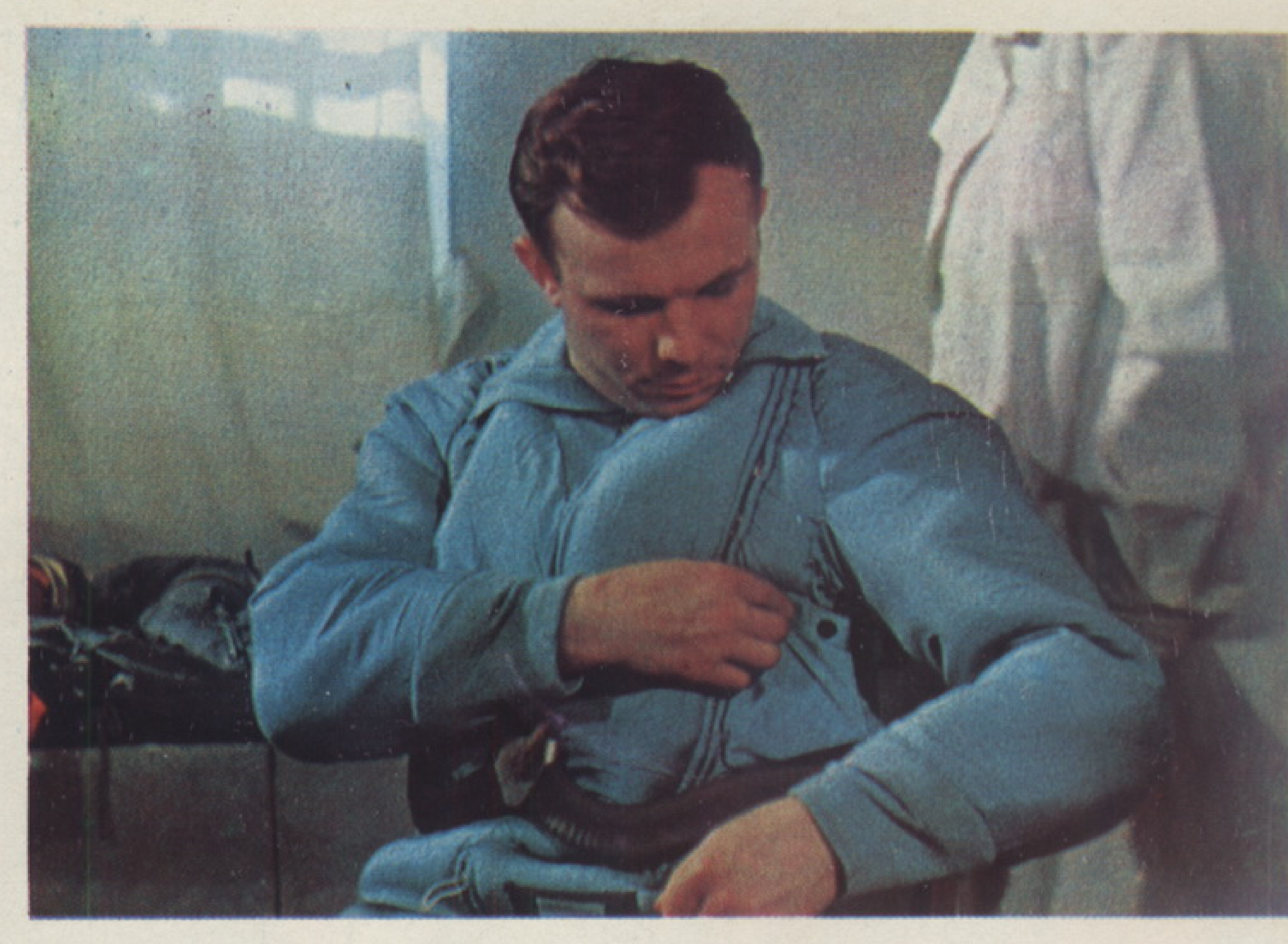
В газетах о них пишут обычно так: «живут в атмосфере безысходности», «без просвета в конце туннеля», само поколение называют «потерянным», «без будущего». Американский журнал «Тайм» поместил на обложке одного из своих номеров символический рисунок: толпа молодых людей загнана в тупик. Их беды, вынуждена свидетельствовать западноевропейская печать, растут вместе с ними и даже быстрее: еще не начав самостоятельную жизнь, они оказываются перед стеной неразрешимых проблем. «Потерялось» целое поколение!! Но ведь они есть и готовы бороться за жизнь.

На снимках: студенты Италии, США, ФРГ вышли на демонстрации в защиту своего права на будущее.

К 25-летию космического полета Ю. А. Гагарина

ВЕЧЕР 11 АПРЕЛЯ

Вечером 11 апреля Гагарин сыграл на бильярде партию со своим дублером Титовым. В 21.50 врач Евгений Анатольевич Карпов велел Гагарину идти спать. «Спать? Пожалуйста»,— ответил он. Через семь минут он уже спал, подложив ладонь под щеку.

Волновался ли Гагарин в тот вечер? Нет. И ему это самому было удивительно. «Знаете, Николай Петрович,— сказал он в день перед полетом генералу Каманину,— я, наверное, не совсем нормальный человек».— «Почему?» — «Завтра полет. Такой полет! А я совсем не волнуюсь. Ну ни капли не волнуюсь. Разве так можно?»

Зато все вокруг него волновались. Врач Карпов всю ночь бродил вокруг домика, где спали «его мальчики»,— он боялся, что шум, доносящийся из МИКа (монтажно-испытательный корпус), разбудит Гагарина и Титова. Не спал Сергей Павлович Королев: в три часа ночи он, тревожась, пришел посмотреть, как спят люди, которым предстояло стать первым и вторым космонавтами Земли...

ИДЕЯ

У кого и когда впервые возникла идея полета в космос? Точно этого не знает никто, но известно, что в 160 году нашей эры Лукиан Самосатский сочинил фантастический рассказ о полете на Луну. О том же мечтали Сирано де Бержерак (XVII век) и Жюль Верн (XIX век). К. Э. Циолковский в начале XX века сформулировал идею полета как ряд научно-технических задач: «Думаю сыграть роль запевалы. Математики, более знающие и более сильные, докончат, может быть, решение поставленных мною задач. Знающие и опытные техники помогут им осуществить и самый космический аппарат...»

Идею послать человека в космос С. П. Королев высказал на одном из совещаний весной 1956 года. Три месяца эта идея будоражила умы специалистов: какими должны быть кабина, скафандр, жизнеобеспечение? И кто должен первым полететь в космос?

По мнению медиков, это должен был быть врач. На стол С. П. Королева легли заявления от пяти врачей. Но тогда Генеральный конструктор отказался от практической разработки своей идеи о посылке человека в космос. Он вернулся к ней только после запуска первого спутника Земли...

Усовершенствовав ракету-носитель «Спутник» и добавив к ней третью ступень, С. П. Королев создал мощную ракету-носитель «Восток». Задачи, поставленные К. Э. Циолковским, решались постепенно — сначала были созданы системы теплозащиты и управления космического корабля, а в мае 1960 года ОКБ А. Исаева создало тормозную двигательную установку, которая должна была возвратить космонавта на Землю.

И все же среди людей каких профессий следовало искать космонавтов? Группа специалистов занималась этим вопросом с 1959 года. Конкурировали четыре профессии: врача, инженера, моряка-подводника и летчика. Летчики оказались наиболее подходящими...

Из нескольких тысяч человек были отобраны двадцать. 14 марта 1960 года будущие космонавты собрались в одном из зданий бывшего Центрального аэродрома в Москве на первое занятие. (Звездного городка и Центра подготовки еще не существовало.) Космонавты должны были освоить новую технику и быть готовыми к работе в новой для человека среде: кислородное голодание, ускорения, перегрузки, невесомость, вибрации — все это ожидало их в космосе. Врачи стремились создать у будущих космонавтов двойной и даже тройной «запас прочности».

К апрелю 1961 года все было готово: ракета-носитель, космический корабль, космонавт и его дублер.

12 АПРЕЛЯ, УТРО

В пять тридцать врач Карпов разбудил Гагарина: «Юра, пора вставать!» — «Вставать? Пожалуйста...» — ответил он, просыпаясь без усилий, послушный и безмятежный одновременно, и на раннем рассвете голубого апрельского дня напевал песенку о ландышах.

В МИКе он одевался к полету. Сначала надел голубоватый комбинезон (на фотографии вы видите, как Гагарин надевает этот комбинезон на одной из последних предполетных тренировок), потом оранжевый скафандр и белый гермошлем. Автобус отвез его к ракете.

Захлопнулся люк. Кабина космического корабля пахла полевым ветром. Гагарин долго сидел в кресле, ожидая, пока проверят в последний раз все системы. «Юра, как дела?» — «Как учили!» — ответил он и засмеялся. Он скучал и попросил дать музыку — дали песни про любовь. Он все время пошучивал, спрашивал, бьется ли у него сердце, «по данным медицины». «Пульс у вас шестьдесят четыре, дыхание двадцать четыре».— «Понял. Значит, сердце бьется»,— сказал он опять не без юмора.

О чем он думал в этот час — последний перед прыжком в космос? Он был немножко философ, Гагарин. И немножко мечтатель. Еще не известный никому старший лейтенант ВВС, он любил вечерами после тренировок, после всех центрифуг, барокамер и термокамер, спокойно посидеть на скамейке под деревом и помечтать. Он посматривал в небо, на Млечный Путь и думал в такие часы о том, что даст космонавтика человечеству, о том, что он — вполне может быть! — станет первым человеком в космосе. Но ощущения собственной исключительности в нем не возникало. «Он был обыкновенным человеком, таким, как все»,— говорил о нем Титов. Хотя, конечно, он знал себе цену. В нем было достоинство и добродушие уверенного в себе «смоленского мужичка» (это тоже слова Титова).

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Итак, идея космического полета была впервые реализована усилиями советских специалистов, усилиями одной страны. Но космос по природе своей не мог принадлежать одной стране, так же как исследование космоса не могло и не должно было стать делом разделенных стран и народов. «В конце нашего столетия,— говорил академик В. Глушко,— национальные космиче-

Мы отстроили, по сути, заново всю страну, добились огромных сдвигов в экономике, культуре, социальной области, воспитали поколения созидателей нового общества. Открыли человечеству дорогу в космос.

Из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

**Владислав ГОРЬКОВ,
кандидат технических наук,
редактор отдела космонавтики
журнала «Авиация и космонавтика — для «Ровесника»**

ские программы разных стран отойдут на второе или даже на третье место. Все основные исследования, по моему мнению, будут вестись в международном масштабе — совместными усилиями всех стран, разумно, без нездоровой конкуренции в интересах всего человечества...»

Это была идея, легшая в основу программы «Интеркосмос». В апреле 1967 года, в шестую годовщину гагаринского полета, в Москве собрались представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии (в 1979 году к программе присоединился Вьетнам) и наметили четыре основных направления исследований: космическая физика, космическая биология и медицина, космическая метеорология и космическая связь. Позднее, в 1975 году, тематика пополнилась космическим зондированием Земли. Первая на нашей планете международная космическая программа — пример и образец для подобных программ будущего. Советский Союз безвозмездно предоставлял космические средства для проведения совместных исследований. Другие участники без каких-либо финансовых расчетов изготовляли и разрабатывали научную аппаратуру. Результаты исследований были объявлены общим достоянием...

12 АПРЕЛЯ, 9 ЧАСОВ УТРА

Ракета стояла на пусковом столе в бело-рыжей степи в клубах испаряющегося кислорода. Секундная стрелка неумолимо перескакивала с деления на деление, каждая секунда уносила с собой команду, каждая команда приближала старт — старт, которого ждали сейчас на Байконуре и в Москве сотни посвященных в космические планы людей. Не ждал, правда, один человек, имевший к делу далеко не последнее отношение,— отец космонавта Алексей Иванович Гагарин. Он в это время взял топор и стамеску и пошел из Гжатска в деревню, за двенадцать километров, работать...

Ключ на старт! Это включилась автоматика запуска двигателей. Протяжка один! Это телеметрическая система опрашивала датчики, установленные на ракете. Продувка! Это азот продувал камеры сгорания. Ключ на дренаж! Закрылись все дренажные клапаны на борту! Пуск! Включилась бортовая система управления ракеты-носителя. Протяжка два! Еще несколько секунд, последних секунд. Контакт Земля — борт! Он почувствовал легкий толчок — отошли заправочная и кабельная мачты. Зажигание! Он взглянул на часы — было девять часов семь минут, и он уже слышал резко нарастающий свист набирающих тягу двигателей...

Люди, наблюдавшие за ракетой, увидели, как легкая, появившаяся откуда-то из-под земли вспышка сменилась ослепительным заревом. Лавина огня и дыма. Невероятной силы рев.

— Старт!

— Поехали!

Двигатели вышли на номинальный режим тяги — двадцать миллионов лошадиных сил начали медленно поднимать ракету. Опорные формы распались. В дрожащем от рева воздухе ракета шла вверх, и людям, в какой бы стороне от пускового стола они ни находились, казалось, что ракета заваливается на них — иллюзия, обман зрения.

Время для Гагарина, как придавленное перегрузкой, замедлило свой ход. Ему казалось, что прошли минуты, тогда как он летел всего семьдесят секунд. После сброса обтекателя в иллюминатор он увидел какую-то широкую реку с островками. Земля была пустынная и залита солнечным светом. По густым темно-зеленым лесам он понял, что летит над сибирской тайгой...

«ИНТЕРКОСМОС»

Уже после своего полета, в 1963 году, Гагарин сказал, что «космонавтика может и должна сослужить большую службу человечеству — открыть для него новые миры, даровать власть над погодой, осуществлять более быструю связь между континентами...». Так он в общем очертил ближние перспективы космонавтики...

На спутники серии «Интеркосмос», так же, как на геофизические ракеты «Вертикаль», устанавливается чехословацкая аппаратура. Завод «Карл Цейс Йена» (ГДР) изготовил мультиспектральную камеру МКФ-6. В Польше создали аппаратуру для изучения магнитосферы, в Болгарии — для исследования ионосферы. Эти и другие аппараты и приборы делали общее дело: многие отрасли народного хозяйства и науки уже не мыслят свою деятельность без использования космических достижений. Спутники «Радуга», «Экран», «Горизонт», «Молния» осуществляют дальнюю телефонную и телевизионную связь. «Космосы» помогают составлять космогеологические карты, а эксперименты, которые проводят в полетах интернациональные экипажи, «работают» сразу на несколько областей науки и экономики. Например, эксперимент «Биосфера-Мон», проводившийся советским космонавтом Джанибековым и монгольским — Гуррагчой, состоял из 14 заданий в интересах геологии, сельского хозяйства, гляциологии, ландшафтоведения, гидрометеорологии и охраны окружающей среды...

12 АПРЕЛЯ, В КОСМОСЕ

«Красота-то какая!» — крикнул он. Он видел, что вокруг Земли сияет голубоватая нежная дымка. Он видел, что Земля — шар, сине-коричневый шар, кое-где прикрытый ватой облаков. Он видел, что вокруг Земли темнота, усыпанная звездами, звезды двигались, и он зачарованно следил за ними и говорил: «Уходит, уходит...» И не без разочарования: «Ушла звездочка!» И снова смотрел на Землю, на крупный сияющий шар в черном пустом пространстве.

В невесомости Гагарин повис на привязных ремнях. Вокруг него как в каком-то счастливом сне плавали планшет, блокнот, карандаш — материя вдруг освободилась от извечной тяги вниз. И он сам тоже плавал между полом и потолком кабины.

В снижающемся, охваченном багровым пламенем корабле Гагарин, сидя в своем кресле, пел от счастья...

КОСМОНАВТЫ...

Важный этап программы «Интеркосмос» (давший ей новый импульс) — полеты интернациональных экипажей. Первый такой экипаж стартовал в космос 2 марта 1978 года: советский космонавт А. Губарев и чехословацкий В. Ремек...

В апреле 1961 года тринадцатилетний мальчик из Брно Владимир Ремек рассматривал фотографии Гагарина — они были во всех газетах. «У первого космонавта была прекрасная мальчишеская улыбка... Я хотел стать космонавтом, как он». Мальчик из Брно любил рыбок-вуалехвосток (у него был аквариум), ходил заниматься в обсерваторию, но, «если говорить откровенно, я не думал, что мечта моя когда-нибудь осуществится». И все-таки она осуществилась: он стал летчиком, как Гагарин, в 1976 году приехал в Звездный городок.

Вторым стартовал гражданин Польской Народной Республики М. Гермашевский. В июне 1978 года он летел на корабле «Союз-30» вместе с П. Климуком. Никто не «подгонял» один старт под другой, и дней специально не высчитывал никто, но полет первого и второго интернациональных экипажей отделяли 117 дней. Столько же, сколько полеты Гагарина и Титова. В августе в космос отправились В. Быковский и З. Йен из ГДР.

26 мая 1980 года в 21 час 21 минуту стартовал экипаж в составе В. Кубасова и венгра Б. Фаркаша. Это был год космических экспедиций. В июне полетел вьетнамец Фам Туан с Виктором Горбатко, в сентябре — кубинец А. Т. Мендес с Ю. Романенко. 14 мая 1981 года после того, как над космодромом пронеслась гроза, стартовали румын Д. Прунариу и Л. Попов. Но перед ними, в марте, накануне двадцатилетней годовщины гагаринского полета, рапортовали о готовности Владимир Джанибеков и сто первый космонавт Земли Жугдэрдэмидийн Гуррагча из Монголии.

В июле 1975 года в космосе пожали друг другу руки командиры кораблей «Союз» и «Аполлон» А. Леонов и Т. Стаффорд; в 1982 году на советском космическом корабле «Союз Т-6» стартовал француз Жан-Лу Кретьен. В апреле 1984 года полетел Ракеш Шарма из Индии, он поднялся в космос на корабле «Союз Т-11», работал на орбитальной станции «Салют» и спустился на Землю на «Союзе Т-10». Сейчас в Звездном городке готовятся к полету летчики из Сирии...

Кем был для них всех Гагарин и что для них его первый полет? «Если говорить коротко,— сказал на предстартовой пресс-конференции Владимир Джанибеков,— то главное в том, что он всех нас позвал за собой в космос».

12 АПРЕЛЯ. НА ЗЕМЛЕ

Плотник Алексей Иванович Гагарин подошел к речке. Лодочник на перевозе сказал ему, что по радио объявили: какой-то майор Гагарин полетел к звездам. Отец космонавта, укладывая свои плотницкие пожитки в лодку, отвечал, что его сыну «до майора еще ой как далеко» и что «мало ли Гагариных на свете». Переправившись, Алексей Иванович продолжил путь и скоро махал топором в деревне, сооружая чайную. Работал он не спеша, прежде чем ударить, прищуривал глаз, смотрел. Внезапно в деревню влетела черная «Волга» — по всему району носилось начальство, разыскивая запропавшего куда-то отца героя, о котором час назад объявили по радио.

...Снега таяли, в оврагах бежали ручьи. Пятнистый теленок, женщина и маленькая девочка стояли на вспаханном колхозном поле у деревни Смеловки и с удивлением смотрели на человека в оранжевом скафандре. Человек держал в руках белый шлем и улыбался им. «Неужели из космоса?» — ахнула женщина. «Представьте себе, да!»

Потом он вспоминал: «Юрий Гагарин! Юрий Гагарин! — закричали подбежавшие с полевого стана механизаторы. Это были первые люди, которых я встретил на Земле после полета... Мы обнялись и расцеловались, как родные».

25 января 1933 года Тельман стоял на трибуне на берлинской Бюлов-платц, и мимо него четыре часа подряд шли в колоннах люди с поднятым в приветствии кулаком. Это была самая крупная демонстрация коммунистов за последние десять лет: в ней участвовали сто тридцать тысяч человек.

Это была демонстрация сил и демонстрация-предупреждение. «Отряды самообороны, товарищи из рейхсбаннера[1], пролетарские боевые организации! Покажите пролетарский кулак фашистским бандам!» И Тельман первым показывал Гитлеру свой мощный, тяжко висящий кулачище — кулачище человека, перепробовавшего в жизни полтора десятка профессий, таскавшего на загривке мешки с углем и трижды ходившего кочегаром через Атлантику. Тельман призывал не терять ни минуты, не ждать, опережать: «Предприятия, бейте тревогу! Наш призыв: предприятия, биржи труда — боевая готовность!»

Он знал, что борьба идет не на жизнь, а на смерть. В марте 1930-го он сидел в одной из гамбургских пивных. На стене висели гравюры, изображавшие возвращение из ссылки социал-демократов,— это был конец прошлого века, после отмены Бисмарковых «законов о социалистах». Тельман долго рассматривал гравюры.

— Да,— сказал он.— В следующий раз такого уютного возвращения не будет.

В шестнадцать лет Эрнст Тельман ушел из дому с тремя марками в кармане. Он «скитался в поисках работы, без всякой помощи и без каких-либо средств, полагаясь во всем лишь на самого себя»[2]. Он оббивал ржавчину с листов железа на верфях Гамбурга, был транспортным рабочим в прачечной и сельскохозяйственным на ферме в Америке; дышал нашатырем на мельнице по переработке удобрений и таскал рояли, перекинув холщовый грузчицкий ремень через свое могучее плечо. «Я также вел и выдержал борьбу с жестокой силой голода, честно пробивая себе дорогу в этом мире».

При свете керосиновой лампы, по ночам, он читал драмы Шекспира и социалистические брошюры за двадцать пфеннигов. Его мысли о Шекспире — мысли пролетария, занятого упорным самообразованием, ясные, крепкие мысли: «Чувство действительности, с которым Шекспир представил образы людей, раскрывает тесную взаимосвязь между характером, страстью, судьбой. Драмы Шекспира — это зеркало самой жизни. Они не утешают нас, но учат понимать человеческое бытие».

В социалистических брошюрах он искал объяснения тому, что видел. А видел он много: ночлежку Конкордияхаус с ее опустившимися обитателями, безработных, спящих на ступеньках берлинских театров, голубые от голода лица детей в Гамбурге в 1923 году, трупы немцев и французов, висящие на колючей проволоке в 1916 году на Сомме[3]. Он усваивал аксиомы классовой борьбы: «враг — в собственной стране» и «класс против класса, богатые против бедных»...

Все двадцатые годы Тельман, переезжая с митинга на митинг, говорил об опасности Гитлера для Германии. «Нацисты хотят «третьего рейха»,— говорил он в 1930 году на митинге в родном Гамбурге.— «Третий рейх» мы видим в Италии, где палач рабочих Муссолини правит, опираясь на жесточайшее насилие против трудящегося народа. Там бастуют даже фашистские рабочие, потому что у них крадут их хлеб. «Третий рейх» означает открытый фашизм, является жесточайшей формой господства финансового капитала, увековечивает голод трудящихся масс при кровавом смертоубийственном терроре против рабочих...»

В сотнях воззваний, призывов, листовок, речей он твердил одно: «Гитлер в правительстве — это означает коричневый террор СА (штурмовиков.— *Ред.*)! Гитлер в правительстве — это означает: атака на наши последние права, подготовка к запрету вашей коммунистической прессы и вашей коммунистической партии!»

Он знал, что может остановить Гитлера и сбросить любое правое правительство: всеобщая забастовка. Шанс провести такую забастовку Тельман почувствовал 20 июля 1932 года, за день до выборов в рейхстаг, на которых фашисты получили 230 мандатов — больше, чем коммунисты и социал-демократы, вместе взятые (222). В тот день канцлер фон Папен разогнал социал-демократическое правительство Пруссии. Тельман узнал об этом в дороге с митинга на митинг и, тут же меняя все планы, велел гнать в Берлин.

Но социал-демократы на забастовку не пошли, им казалось, что час еще не настал. Их лидер Отто Вельс шел черепашьим шагом. «Когда я сегодня утром ехал в Берлин и сам вел автомобиль...— говорил Вельс в ноябре 1932 года,— я должен был медленно ехать из-за сильного тумана. Тогда я сказал сам себе: примерно так ты теперь едешь и в политике... Если ты сейчас дашь полный газ, то все скажут: «Пусть убирается!» Политическая ситуация для нас всех так же туманна, как погода сегодня. Мы едем медленно».

26 января 1933 года канцлер Германской республики генерал Шляйхер

---

[1] *Военизированные отряды социал-демократической партии.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Из писем Тельмана другу.*

[3] *Во время первой мировой войны 1 июля 1916 года на реке Сомме началось кровопролитное сражение, в котором англичане впервые применили танки.*

К 100-летию со дня рождения Эрнста Тельмана

подал в отставку. Теперь все зависело от рейхспрезидента Гиндербурга.

За кулисами политического театра, за широкой спиной восьмидесятишестилетнего фельдмаршала-президента работали тайные пружины, чтобы вытолкнуть Гитлера к власти. Еще 4 января Гитлер и бывший канцлер фон Папен встретились на вилле банкира Шрёдера. Они делили власть в будущем кабинете и договаривались о мерах против коммунистов.

30 января, в день, когда Гитлер стал канцлером, компартия выпустила воззвание, распространенное в тысячах листовок: «Генеральная забастовка против господства террора... Все на улицу! Останавливайте предприятия! Немедленно отвечайте на удары фашистских собак забастовкой, массовой забастовкой, всеобщей забастовкой! Организуйте борьбу!»

Социал-демократы — это была мощная сила в Германии 1933 года. Правда, число членов партии уменьшалось, начиная с 1931 года, так же как уменьшалось количество социал-демократических мандатов в рейхстаге от июня к ноябрю 1932 года. Но все-таки это была миллионная партия со своими военизированными отрядами рейхсбаннер (без централизованного руководства), со своим профсоюзом АДГБ, объединявшим миллионы рабочих и служащих. Отношения социал-демократов с коммунистами не были безоблачными все двадцатые годы, но сейчас, в январе 1933-го, нужен был порыв навстречу друг другу поверх всех разногласий. 30 января Тельман поручил Вальтеру Ульбрихту вступить в контакт с руководством социал-демократической партии, чтобы совместно ударить по Гитлеру, пока он еще непрочно сидит в правительственном кресле. «Было бы преждевременным уже сегодня делать предложения о боевых распоряжениях»,— бесстрастно фиксирует стенограмма заседания социал-демократического руководства мнение Брайтшеда.

Тельман всегда жаждал прямого боя, в его характере было не выжидать, а идти на врага прямо в лоб. «Если вожди нацистов думают, что победят немецкое движение так же легко, как это

на стр. 12 ▶

А. ПОЛИКОВСКИЙ

РОТ-ФРОНТ !

Только два цвета — красный и черный. В жестяных чашках горит спирт. На стене портрет человека, чье лицо знает весь мир. Так в глубочайшей тайне в подвале дезинфекции концлагеря Бухенвальд заключенные отдавали дань памяти убитого гитлеровцами 18 августа 1944 года вождя немецкого рабочего класса Эрнста Тельмана.

А в апреле 1945-го, за несколько дней до дня рождения Тельмана, узники Бухенвальда штурмом взяли лагерные ворота. В аду эсэсовских лагерей антифашисты не прекращали борьбы.

Теперь в подвале мемориал; пропавший портрет заменен рисунком Арно Мора. Холод там внизу, в подвале. Холод на лагерном плацу, где дует ледяной ветер. В Бухенвальде надо побывать зимой, постоять на плацу, где они стояли часами, одетые в полосатые тонкие робы с треугольником на груди. Звенящий мороз, страшная стужа.

Ни один заключенный не был уверен, что снова увидит восход солнца. Голод, холод, болезни. Им грозило «уничтожение работой» — в каменоломне, на фабриках, принадлежавших концернам, в глубоких горных штольнях. Повсюду охранники, которые мучают, пытают и убивают по приказу и по настроению. В каменоломне, в кабинете врача, в бункере. Каков будет конец! Засекут плетьми! Повесят! Пристрелят в карцере! Затравят, гоняя от поста к посту! Затопчут в карцере! Замучают врачи! Человек здесь значил меньше, чем насекомое.

«МЫ СКАЖЕМ ЖИЗНИ «ДА»!»

В ту ночь ворота открыли для тяжелого легкового автомобиля. Вылезли трое — двое охраняли третьего. Узник — свидетель мог увидеть его только со спины — большой широкоплечий человек без шляпы. Двое велели ему идти вперед, туда, где уже ждали четыре эсэсовца. Три выстрела прозвучали во дворе крематория, потом четвертый, которым добивали. «Знаешь, кто это был!» Тайный свидетель услышал голос эсэсовца. «Вождь коммунистов Тельман»,— последовал ответ.

Бронзовая мемориальная доска на стене крематория в Бухенвальде напоминает о подлом убийстве. «Никто не может сказать, что случится или может случиться со мной завтра или послезавтра»,— писал он в январе 1944 года. Скорее всего национал-социалисты убьют его по мере дальнейшего продвижения вперед Красной Армии. «В такой ситуации гитлеровский режим не побоится убрать Тельмана с дороги или даже убрать навсегда». Каким характером надо обладать, чтобы так трезво и спокойно видеть собственную судьбу.

Вожди рабочего класса, любил говорить В. И. Ленин, не герои, а люди, как все. И как каждый узник Бухенвальда, как каждый товарищ по заключению, Тельман тоже знал часы отчаяния. Так было, когда не состоялся процесс над ним,— он страстно мечтал о процессе, он хотел разоблачить фашистскую диктатуру как порождение империализма. «Сам того не желая,— писал он из тюрьмы жене,— иногда на время делаешься апатичным и безрадостным».

Рисунки узников Бухенвальда: Анри ПИКА, Пьера МАНЬИ, Романа ЕФИМЕНКО, Арно МОРА.

И в другом письме: «Есть моменты, которые проходят, но в которые перевешивают боль и горечь, их так много в моей жестокой судьбе».

Но есть и другие письма Тельмана из тюрьмы: «Как бы трудно ни было выносить это одиночество и эту тяжесть, я хочу и буду держаться смело и мужественно, потому что я знаю, что несгибаемая воля и твердая вера сдвигают горы». «Наша судьба, полная разочарований разного рода, иногда загоняет нас до самых пределов выносимого, но в буре освобожденных стихий мы останемся тверды, решительны и непобедимы». Какие мощные слова!

И такую же мощь видим мы даже в аду Бухенвальда! В бараках, стоящих тесными рядами (сейчас их места отмечены черной галькой), жив дух сопротивления. Подпольный международный лагерный комитет помогает, где в состоянии помочь, защищает, где может защитить, готовит вооруженное восстание. Общая судьба объединяет коммунистов и христиан, демократов и социалистов, французов и немцев, голландцев и русских, рабочих и интеллектуалов. Возглавляют подпольную организацию коммунисты. Они, заплатившие в борьбе с фашизмом самую большую кровавую цену,— пример мужества и стойкости для других.

Откуда эта сила солидарности! Откуда эта неукротимая воля к жизни: за колючей проволокой создаются даже произведения искусства! Узники меняют бесценный хлеб на клочок бумаги, чтобы рисовать. И на клочке бумаги запечатлены жертвы и палачи, схвачено мгновение. Линии, проведенные углем, кричат о страдании и нужде, но и о готовности помочь и вере в победу. Какая уверенность!

Какая уверенность — песня, что пели в Бухенвальде: «Несмотря ни на что, мы скажем жизни «да», потому что придет день, и мы будем свободны». Серые колонны пели это, маршируя на работу. Они пели это, когда тайно подслушанные новости о приближении советских войск передавались из уст в уста. Но они пели это и в 1938-м, когда режим палачей и тюремщиков, казалось, был крепок как скала. Эта невероятная уверенность основывалась на глубочайшем внутреннем убеждении, которое Тельман так выразил в одном из писем из тюрьмы: «Идея, которой мы преданы душой и телом, жива, она непреходяща, она вечна. Идея, ради которой мы бьемся не на жизнь, а на смерть, которая охватила и осчастливила миллионы, которая перешла в нашу плоть и кровь,— эту великую живую и мощную идею не погасить даже в тяжелейшие годы страданий... Для человека, который живет ради идеи, который борется за освобождение трудящегося человечества, жизнь имеет огромный смысл, и боль для него теряет значение, потому что жизнь для него — высочайшая ценность».

Перевел с немецкого А. ЯСЕНЕВ

(Из журнала NBI, ГДР)

со стр. 9 ▼

удалось сделать в стране Муссолини, в Румынии, Югославии и Финляндии[4], то эти бывшие кайзеровские офицеры ошибаются. Факты научат их...» — говорил он, обращаясь к Гитлеру, Герингу и Рему через головы людей, слушавших его, и снова поднимался над трибуной чугунный тельмановский кулак, кулак грузчика и кочегара. Тысячи людей поднимали кулак в ответ, молчаливо объединяясь перед лицом надвигающейся опасности.

Когда Тельман грозил Гитлеру, он не обманывался в своих силах. Он ощущал в себе как политик и как мужчина увесистую силу — силу своих рук и силу своего класса. Он ничего не боялся, потому что «родился на свет с натурой бойца и никогда не испытывал страха смерти». Он воевал на фронте в первую мировую, дважды был ранен, раз был под военно-полевым судом, дрался на баррикадах Гамбурга (во время восстания 1923 года.— Ред.) и, уже будучи Первым секретарем ЦК КПГ, схватил за шиворот и собственноручно собирался проучить человека, стоявшего напротив его дома: он решил, что это шпик, но это была охрана, выставленная партией. За десять лет он провел партию через множество избирательных кампаний (только в 1932 году их было шесть), и раз от разу неуклонно коммунисты получали все больше и больше мандатов в рейхстаге. Он не уступил Гитлеру ни массы, ни улицу — во главе Союза красных фронтовиков он маршировал в военной форме, перетянутый портупеей, по Берлину и Гамбургу, и гремели оркестры, и реяли знамена, и сжимались кулаки: «Ну-ка, тронь нас!» Только в Берлине, городе с тремя миллионами жителей, за коммунистов голосовало 860 тысяч человек; 5 миллионов человек отдали голоса Тельману на президентских выборах 1932 года; те же 5 миллионов проголосовали за компартию на выборах 13 марта 1933 года, то есть уже тогда, когда Гитлер полтора месяца был у власти, когда уже шли аресты и учреждались концлагеря. «Хотя сегодня в Германии наше имя и ставится вне закона, я все же знаю, что многие люди называют и слышат его с радостью» (писал Тельман дочери Ирме в 1936 году, третьем году нацистской власти).

«Я плоть от плоти немецкого рабочего класса, и поэтому я его сын». И это была фраза — политическая сила Тельмана была именно в том, что пролетарии узнавали в нем себя, он был одним из их племени, человек с мозолями на руках... Неуступчивый, упорный и сильный, он не ждал поблажек и не искал легкой участи ни когда был рабочим, ни когда стал политиком. Его речи, лишенные ораторских красот, просты, целесообразны и пронизаны духом борьбы: «Мы не можем подкупить судьбу. Только в непрерывной тяжелой борьбе закаляются люди. Ведь борьба — первичный элемент жизни, закон развития...»

«Назад к массам!» — это был любимый лозунг Тельмана. Из кабинетов и заседаний назад на улицы, на фабрики, на заводы, в гамбургский порт, в рабочий район Красный Веддинг. К людям, туда, где решается все.

7 февраля 1933 года в приберлинском ресторанчике состоялся первый конспиративный Пленум ЦК КПГ. Гитлера — это было очевидно — не удалось ни остановить на пороге власти, ни сбросить в первые дни. «Мы были не в состоянии воспрепятствовать установлению фашистской диктатуры, хотя мы организовывали борьбу масс,— сказал Тельман.— Это, безусловно, серьезное негативное утверждение». Всеобщая забастовка не удалась, социал-демократы все медлили, начались аресты.

Но жажда борьбы не убывала в нем. Он как будто не старел — он был все тот же «Тельман — оружие пролетариата». Все так же он был способен на восемнадцатичасовой рабочий день, и все так же политическая борьба и борьба с самим собой, со своими слабостями и недостатками были одинаково важны для него и взаимосвязаны: «Кто убьет льва? Кто сразит великана? Кто одолеет того и другого? Это сделает тот, кто обуздал самого себя». Он любил эти строки поэта Вальтера фон дер Фогельвейде. Уже из тюрьмы он писал, что «становиться с годами все моложе — вот истинное искусство жизни».

7 февраля на последнем своем Пленуме ЦК Тельман говорил со спокойной силой, как всегда. Признавая поражение, он не пускал его внутрь, в душу: он готов был бороться в новых обстоятельствах с прежней силой. Он не обольщался. Он знал, с кем имеет дело,— много раз он публично называл нацистов «убийцами» и «парнями, которых можно нанять за восемь грошей». «Черные гробы уготованы ныне многим живущим». Он не говорил громких слов в тот суровый тревожный день — он просто готов был биться до последнего солдата, даже если этим солдатом окажется он сам.

«Последний раз я видел его уже после ареста,— вспоминал много лет спустя шофер Тельмана Вальтер Иозвих.— Меня тоже забрали нацисты. Однажды, когда я под конвоем поднимался по лестнице в полицай-президиум, он, так же под конвоем, спускался мне навстречу. Мы посмотрели друг другу в глаза и почти одновременно произнесли наше обычное приветствие: «Рот-фронт!»

[4] *В Италии Муссолини в 1922 году пришел к власти; в Югославии в 1929 году была установлена военная диктатура короля Александра; в Румынии в начале 30-х годов усилился сдвиг вправо, была создана фашистская организация «Железная гвардия»; в Финляндии в октябре 1930 года были приняты чрезвычайные антикоммунистические законы.*

ДОКУМЕНТ ДОКУМЕНТ

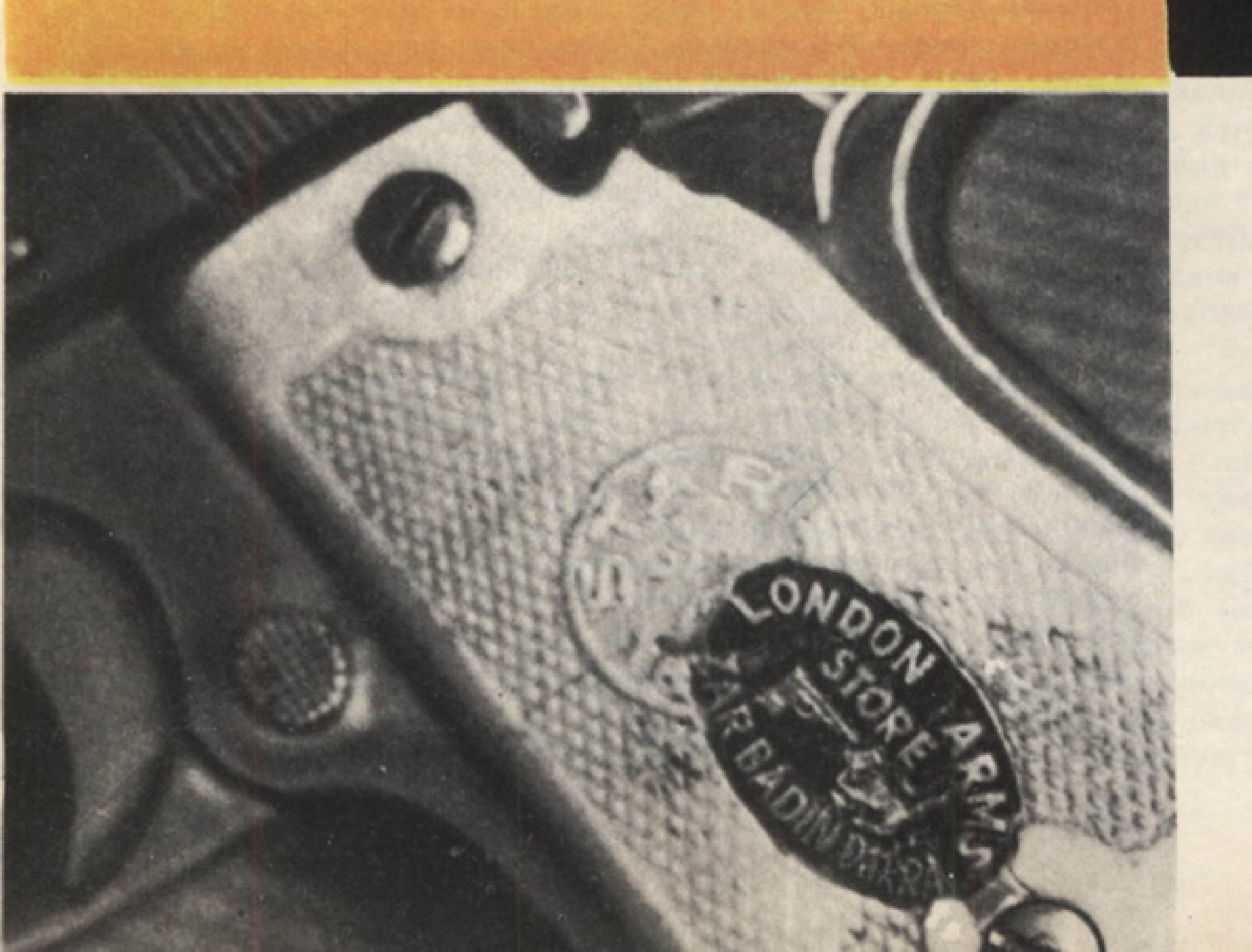
Вскоре после Апрельской революции 1978 года в Афганистане американский империализм и силы внутренней реакции развязали против афганского народа, вставшего на путь революционного преобразования общества, жестокую необъявленную войну, продолжающуюся до сих пор. Из пограничных районов Пакистана на афганскую землю забрасываются до зубов вооруженные банды контрреволюционеров-душманов, чтобы сеять разруху и смерть.

Все это делается под надуманным предлогом защиты демократии, свободы, прав человека... Но в действительности душманы и их иностранные покровители не что иное, как банда грабителей и преступников, заинтересованных лишь в том, чтобы нажиться на грабежах крестьян, на эксплуатации природных богатств Афганистана, на торговле наркотиками.

Народ Афганистана и его вооруженные силы мужественно защищают завоевания своей революции. Во время операции по освобождению от душманов Панджширской долины органами государственной безопасности ДРА были арестованы главный казначей контрреволюционной партии Джамиате ислами Абдул Самад Сахраби и главарь одной из душманских банд в провинции Паринда — Мухаммед Тад. В Кабуле состоялась пресс-конференция, на которой преступники отвечали на вопросы журналистов. Ниже мы публикуем стенограмму этой пресс-конференции, вскрывающую грязную подоплеку кровавых злодеяний душманов против народа Афганистана.

(Фото из альбома «Афганистан сегодня»)

...ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ?

— Абдул Самад, при каких обстоятельствах вы вступили в душманскую банду и какие функции там выполняли?

— В 1978 году я вступил в партию Джамиате ислами. Несколько лет спустя меня сделали главным казначеем одного из отрядов в долине Панджшир. В мои обязанности входило обеспечивать членов группы жильем и питанием. Мы заставляли крестьян отдавать нам продукты, а то, чего не было на месте, мы получали из Пакистана. Иностранцы — военные специалисты и контрабандисты — привозили нам оттуда все необходимое.

— Уточните, где именно жили в долине Панджшир иностранные военные специалисты?

— Они жили в городе Астане, в гостинице, принадлежавшей Джамиате ислами. Когда военные специалисты

разъезжались по подразделениям, я оставался в Астане и готовил для них еду. Деньги и продукты мы насильно отбирали у местных жителей. Перед отъездом в Пакистан иностранцы, как правило, дарили нам подарки. Например, американец по кличке Гулистан подарил мне пакет героина. Я продал этот пакет командиру второго ударного подразделения, а он распределил героин среди муджахеддинов (так называют себя душманы.— *Ред.*). Иностранцы жили отдельно от нас под тщательной охраной. Никто из рядовых муджахеддинов не знал, где именно они живут.

— Мухаммед Тад, расскажите, как вы вступили в партию Джамиате ислами?

— В 1980 году меня вовлек в партию Абдул Вахед Самади, командир отряда Джамиате ислами в провинции Паринда. В кишлаке Базарак на территории Пакистана я и еще тридцать человек прошли военную подготовку у иностранных инструкторов из США, Франции, ФРГ, Египта и других стран. После шести месяцев тщательной подготовки меня назначили командиром подразделения.

— Какие приказы приходилось вам выполнять после нелегального возвращения в Афганистан?

— Зимой 1983 года командир отряда Джамиате ислами Рахшан передал мне несколько сиров лазурита (1 сир приблизительно 75 граммов.— *Ред.*) для переправки в Пакистан. В январе 1984 года под усиленной охраной я повез драгоценные камни в Пакистан и лично передал их Раббани (один из лидеров Джамиате ислами.— *Ред.*). Взамен я получил оружие и боеприпасы.

— Абдул Самад, расскажите, из каких источников вы получали оружие?

— Мой отряд действовал в провинции Паринда в долине Панджшир. Члены моего отряда по очереди проходили четырехнедельную военную подготовку в Пакистане и оттуда возвращались с оружием и боеприпасами. Снабжали нас в основном Соединенные Штаты Америки, но и другие страны Запада. И совсем неплохо снабжали. На 250 человек в отряде было 160 единиц тяжелого и легкого оружия, включая 82-миллиметровые пушки. Мы заставляли крестьян работать на нас в шахтах, где добывались драгоценные камни. Если крестьяне отказывались — их расстреливали на месте. Добытые в шахтах драгоценные камни отправляли к Раббани с муджахеддинами, которые уходили в Пакистан на военную подготовку. Часть изумрудов брали себе люди Раббани, а часть по дешевке продавали иностранным военным специалистам. Поэтому те все время требовали, чтобы больше добывали изумрудов.

— Во время боевых операций вы потеряли ногу и сейчас носите протез. Где вы прошли курс лечения?

— Все дороги, связывавшие долину с центром Афганистана, мы заминировали. Когда мы захватывали территорию, даже если на время, мы сразу же разминировали дороги. Во время этой операции я наступил на мину, она взорвалась, и мне оторвало ногу. Через месяц английский журналист Сэнди Гэлл появился в провинции Паринда. Он представлял британское телевидение. Гэлл предложил мне поехать с ним в Пешавар (город на северо-западе Пакистана, центр афганской контрреволюции.— *Ред.*) и обещал посодействовать в получении протеза из Лондона. Я и еще десять раненых отправились в Пакистан вместе с Сэнди Гэллом. В Пешаваре нас устроили в госпитале, где работало несколько французских врачей и медсестер. Некоторым раненым протезы были сделаны здесь же, в пешаварском госпитале. Несколько же человек, в том числе и я, по приказу командования Джамиате ислами полетели в Норвегию. Нас сопровождал американец Майкл Берри, который оплачивал все расходы.

— Итак, вы отправились в Норвегию на лечение. Какие страны вы проезжали, и как были оформлены ваши паспорта?

— Паспортами граждан Пакистана нас обеспечили руководители партии Джамиате ислами. С нами все время находился Майкл Берри, гражданин Соединенных Штатов Америки и кадровый сотрудник Центрального разведывательного управления. Мы летели на большом авиалайнере. После коротких посадок в арабском эмирате Дубай и Копенгагене мы прилетели в Норвегию. Нас поселили в гостинице. В Осло Берри организовал пресс-конференцию местных и иностранных журналистов. Он же подготовил от имени нашей группы заявление и заставил нас прочесть его на пресс-конференции. Нам выдали противогазы и в них сфотографировали, якобы мы захватили эти противогазы во время операции в долине Панджшир против советских войск. Эти фотографии были показаны по французскому телевидению и напечатаны в журналах.

После пресс-конференции англичанин Картер, ранее служивший в посольстве Великобритании в Кабуле, предложил мне поехать с ним в Лондон за протезом. Я полетел с Картером в Лондон и прожил несколько дней у него. Потом Картер и приехавший Сэнди Гэлл положили меня в больницу. В больнице у меня по нескольку раз в день брали интервью и фотографировали. Би-би-си передала беседу со мной. Все мои ответы были заранее написаны радиокомментаторами. Когда протез был готов, меня повезли во Францию, где, как выяснилось впоследствии, я жил в доме у Майкла Берри. Американец все время фотографировал меня, а потом, я видел, продавал эти снимки французским журналистам. Вырученные деньги он делил с Раббани. В конце концов Майкл Берри сказал мне: «Я повезу тебя попутешествовать по Америке и Западной Европе». Но я попросил отправить меня домой. Мне купили билет на самолет, и я прилетел в Пешавар. Там я пошел в контору Раббани и попросил его переправить меня на афганскую территорию. Так, после семимесячного отсутствия, я вновь оказался на родине, в Афганистане, в провинции Паринда.

— Вы все время подчеркиваете, что Майкл Берри являлся агентом ЦРУ и непосредственно связан с Раббани. Можете ли вы подтвердить это заявление какими-либо доказательствами?

— Майкл Берри приехал в Пакистан из США и является представителем ЦРУ в военных формированиях Джамиате ислами. Ему принадлежат конспиративные квартиры в Англии и во Франции. Довольно часто, приблизительно раза два-три в месяц, он встречается с Раббани. Он свободно объясняется на дари и пушту, владеет узбекским языком. Во время нашей поездки по Норвегии Берри рассказывал, что жил в Афганистане еще до революции, тогда он и подружился с Раббани.

Пресс-конференция в Осло была организована ЦРУ. Как-то в порыве откровенности (дело было во Франции, когда я попросил отправить меня домой) Майкл Берри признался: «Ты можешь быть нам, я имею в виду ЦРУ, полезен. Тебе следует поехать со мной в США. Я получил разрешение на эту поездку у Раббани». Но я не согласился и заявил, что хочу вернуться в Афганистан. Из встреч Раббани с Майклом Берри и Картером в Англии и во Франции стало очевидным, что они находятся на службе у ЦРУ.

Кстати, Картер тоже не скрывал, что является кадровым сотрудником ЦРУ. В их задачу, кроме сбора разведывательных данных, входит сбор средств на военные формирования Джамиате ислами. Определенную, и весьма немалую, часть собранного они прикарманивают, а остальные деньги передают лично Раббани, который также берет себе сколько надо. И Берри и Картер неоднократно предлагали мне стать агентом Центрального разведывательного управления, но я отказался.

— Вы сказали, что после семимесячного отсутствия нелегально вернулись через Пакистан в Афганистан. Чем вы, вернувшись, занимались?

— Некоторое время я занимался приведением в порядок оружия и боеприпасов. Затем я снова приступил к командованию подразделением муджахеддинов. Кроме того, в мои обязанности входила антиправительственная пропаганда среди населения. Там, где мы вели боевые операции, мы насильно выгоняли крестьян из кишлаков под предлогом их безопасности. Их дома громили, а посевы уничтожали. Мы насильно, под угрозой смерти сгоняли молодежь в военные отряды Джамиате ислами.

Перевел с английского Я. БОРОВОЙ

ПОЧЕМУ?

(МОНОЛОГ МАТЕРИ О ТОМ, ЧТО НАКИПЕЛО НА СЕРДЦЕ)

**Кристиана КОЛЛАНЖ,
французская писательница**

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Почему, действительно, почему нам так трудно бывает друг с другом! Нам, детям (безразлично юношам или девушкам), любящим своих родителей, так трудно найти с ними общий язык! Нам, родителям, любящим своих детей, так трудно добиться понимания! Почему в доме, где живут любящие друг друга люди, подчас возникает тягостная атмосфера взаимного непонимания и упреков!

Что думаете по этому поводу вы, дорогие дети! И вы, дорогие родители!

В годы от твоего рождения и до твоих 10—12 лет, не считая отдельных вспышек невероятной строптивости, в общем-то у нас, родителей, была какая-то уверенность, что мы для тебя что-то значим. Шаг за шагом, прокручивая пластинку одних и тех же: «А что надо сказать?», «Спасибо — кому?», «Уходя, принято говорить «до свидания», приходя — «здравствуйте», «Помой за собой зубную щетку!», «Сложи тетрадки и книги, если не хочешь завтра опоздать в школу», «Не надо залезать с ногами на диван, у тебя грязные ботинки», мы добивались бесспорного успеха.

Ситуация начала катастрофически ухудшаться с наступлением переходного возраста и поры серьезных занятий в старших классах. Под предлогом, что надо до ночи делать с приятелем уроки, ты «спустил на тормозах» все свои хорошие привычки. Как по части порядка, так и элементарной вежливости.

Рассказы сотен других родителей подтверждают мой собственный опыт. Правда, то, что происходит в нашем доме, еще не самый худший вариант. Но как бы там ни было, в доме появилась твоя «запретная зона».

Годам к 12—14 твоя комната начала превращаться в склад неходовых товаров, затем в ней появилось что-то от конюшни, теперь она точь-в-точь загородная свалка. Знаю, знаю: мне нужно только закрыть дверь с той стороны, и я не буду видеть этот бедлам. Кстати, я очень скоро пришла именно к этому выводу: по возможности избегать твоей «пещеры». Я решила, что вмешиваться в твои дела мне не по силам. Было время, когда такая политика закрытых дверей устраивала нас обоих. Меня она избавляла от лишних забот, а твой сарай сохранял первозданную прелесть.

Великие авральные набеги я совершала не чаще одного-двух раз в году, когда ты уезжал с приятелями на каникулы. Время от времени приходится чистить и авгиевы конюшни, если не хочешь, чтобы их содержимое перетекло в квартиру! В такие минуты я выбрасывала только то, что бесспорно было барахлом: обертки от конфет, горы окурков из нашей «гостевой» пепельницы, которую я уже отчаялась найти, пустые конверты от пластинок, старые газеты, использованные батарейки, непарные носки, лопнувшие шарики для пинг-понга, пустые флаконы и т. п.,— все это с тысячью предосторожностей, чтобы, не дай бог, не выбросить чего такого «нужного». Я была готова выслушать от тебя по возвращении гневный вопль по поводу того, что я отправила на помойку тот самый обрывок газеты, на котором был записан номер телефона приятеля (приятельницы), и теперь с ним (с нею) ни за что на свете уже не встретиться. Конечно, я приношу свои извинения. Делаю вид, что мне несколько неудобно, но при этом храню твердое намерение в следующие же каникулы повторить набег хотя бы из-за того, что запах окурков уже пропитал всю квартиру. Вдобавок я уверена, что ты возмущаешься только из принципа и сам не против хоть пару раз в году войти в чистую комнату. Если бы ты не возмущался, тебе бы надо было говорить мне спасибо, а ты от этого «развалишься».

Мы бы как-нибудь нашли подходящий способ сосуществования, если бы

ты не нарушал границы своей берлоги. Только одной ее тебе мало, и ты «переливаешься через край», загрязняя мою окружающую среду. Ты не уважаешь границы «моей зоны».

Не понимаешь? Тебя удивляет, как у меня только язык поворачивается такое сказать? Ты ведь всячески стремишься держаться от дома подальше, не связываться с нашей «мелочной мещанской жизнью».

Объясняю: твой беспорядок мне мешает. Невероятно мешает. Изо дня в день. Много раз на дню.

Примеры? Пожалуйста. Утром, вместо того чтобы обнаружить кухню в состоянии, более или менее пригодном для приготовления завтрака на всю ораву, я собираю после твоих гостей окурки и пустые пачки от сигарет. Нет ничего более неприятного, чем неприбранная кухня утром, после плохого сна. А вечером, если случайно окажется, что я устала после работы и была не в состоянии приготовить ужин? Грязные чашки, крошки заполоняют стол перед телевизором. По воскресеньям ты испаряешься, не оставив адреса, где тебя искать, зато предварительно, пока мы ходим подышать воздухом, опустошаешь холодильник. На каникулах ты питаешься черт знает как, в любое время суток, не задумываясь, что дома поставить грязную тарелку в раковину даже проще, чем убрать за собой посуду в кафе. И я драю, тру, мою, вечно привожу в порядок то, что ты вечно оставляешь в беспорядке.

Привыкнуть к твоей небрежности я не могу. Хотя я и не замечала за собой маниакального синдрома чистоты. Далеко нет. Как всякая работающая женщина, с домашним хозяйством я справляюсь скорее плохо, чем хорошо. Я не делаю культа из пылесоса. Я просто стараюсь, чтобы вещи хотя бы приблизительно лежали на своих местах, а грязь не слишком бросалась в глаза. И убираю я не ради уборки, а чтобы освободить себе пространство для жизни, удовлетворить свои эстетические запросы.

Вот почему меня унижает твой беспорядок, за который мне приходится расплачиваться своим временем.

Все родители одинаковы. Одинаково безоружны перед вашей расхлябанностью. Они никак не могут взять в толк, почему вы с таким царственным пренебрежением относитесь к этой незначительной стороне жизни.

Почему? Ну скажи, почему?

Почему, уходя из комнаты, ты никогда не выключишь свет и не закроешь дверь?

Почему ты никогда не кладешь на место словарь и телефонный справочник?

Почему после тебя регулярно пропадают карандаши, ручки, блокноты, которые мы регулярно кладем у телефона, чтобы записать, что тебе кто-то звонил, и не забыть тебе же передать?

Почему ты обязательно швыряешь пальто и куртку на диван, хотя у нас в доме есть вешалка?

Почему, ложась спать, ты обязательно бросишь брюки на пол, а утром жалуешься, что все мятое?

Почему ты всегда теряешь мои солнечные очки и мои лыжные перчатки и сознаешься в этом только тогда, когда мы идем кататься на лыжах?

> Почему ты забываешь взять с собой ключи, точно зная, что вернешься домой в два часа ночи, и заставляешь нас вставать с постели и идти открывать дверь?

Я просила редакцию набрать этот абзац в черной рамке в память о сотне отнятых у меня драгоценных часов сна.

И сколько раз и на какие лады все это твердилось, склонялось, перепевалось, пережевывалось, бубнилось, долбилось, талдычилось: «Не забудь взять!.. Возьми, не забудь!.. Не забудь, возьми!.. Возьми, не забудь!..»

И вот, наконец, когда в тысяча семьсот семьдесят второй раз говорится одно и то же, ты взрываешься и начинаешь возмущаться.

Когда я делюсь с тобой такого рода наблюдениями, твой взгляд обретает выражение царственной скуки и презрения. Как будто я служанка, которую пригласили из деревни только для того, чтобы на кухне блестело, а в шкафах все лежало по струнке. Это презрение меня оскорбляет, я уверена, что тружусь раз в тысячу больше тебя. И уж никак не меньше твоего интересуюсь всем, что происходит с тем миром, который нас окружает. Думаю, сомневаюсь, задаю себе вопросы о том, что будет с нашим обществом, и при этом теряю слишком много времени на скучные хозяйственные дела.

Конечно, наводить порядок и думать о земной суете не очень интересно, но если относиться к вещам с презрением, они начинают нам мстить: пачкаются, ломаются, теряются.

Мы живем еще не в эпоху роботов, которые, как обещают твои комиксы и фантастические романы, заменят наши руки, нашу память, а может быть, и вообще мозги,— все, что не делаешь ты сам, приходится делать мне. Все, что ты потерял, приходится искать мне. Все, что ты порвал, приходится чинить мне.

Я — твоя мать, а не твоя служанка. Не могу понять, почему я должна тащить весь этот воз, пока ты часами лежишь на диване и слушаешь музыку. Я по горло сыта глажкой твоих брюк только потому, что делаю это якобы лучше всех на свете; мне надоело ходить за тобой по квартире, собирать бутылки из-под кока-колы и относить их в магазин, потому что их продают «со стоимостью посуды»; мне надоело вечно опаздывать к началу телепередачи, потому что нужно убрать за вами на кухне. Я, как и ты, люблю покейфовать!

И коль уж дошло до такого разговора, давай начистоту: что у тебя за отношения со временем? Двадцать четыре часа в твоих сутках — это никак не 14 «активных» часов и 10 часов на восстановление сил, из которых состоят наши сутки. Ты спишь, когда мы бодрствуем, садишься за стол, когда мы уже на работе, встаешь с постели, когда мы выходим из-за стола, тебе вдруг хочется есть, когда вся посуда уже перемыта...

Единственный промежуток, когда мы синхронны в наших желаниях,— между 6 и 7 часами вечера. Мне нужно позвонить, а телефон, конечно, занят: то ты кому-то звонишь, то твои приятели (приятельницы) буквально выстраиваются в очередь, только бы услышать твой драгоценный голос.

Твои отношения со временем медленно, но верно стали портиться, когда ты вступил в отрочество. В голове не укладывается, как при переходе от детства к юношеству у человека может измениться распорядок дня — вплоть до абсолютной путаницы дня и ночи.

Целых десять лет этот ребенок каждое воскресное утро, когда так хочется еще подремать, прыгал к нам на постель и требовал с ним поиграть; теперь, вылезая из своей берлоги злой как черт к двум часам дня, он не может сказать даже «привет». А та самая маленькая девочка, которую приходилось относить в кроватку на руках, потому что Продавец Песка из детской передачи в 20.00 уже устраивался у себя в гостиной на диване, теперь не может заснуть до двух ночи.

Этот изголодавшийся выводок, с гвалтом садившийся вместе с родителями за стол по два, а в воскресенье и три раза в день, теперь превратился в банду грабителей буфета, чья анархическая прожорливость никак не соотносится с нашими родительскими аппетитами и семейным бюджетом.

Ошеломляющая эволюция. И, честно говоря, уже надоевшая.

Отцы зачастую проявляют по поводу этой развязности больше беспокойства, чем матери. Она попирает их привычный строй жизни. В их памяти прочно засели картинки их собственного детства: отец, садившийся за стол ровно в 12.30 и в 19.30. И ни минутой позже. Время было временем.

В ту пору время было специфически мужским делом, оно зависело от работы. Матерям и детям оставалось одно — подчиниться распорядку главы семьи. И только недавно домашние устои стали предметом торгов и бесконечных переговоров, примиряющих требования каждого члена семьи.

«В котором часу мы сегодня ужинаем?» — вопрос невозможный в начале века: ужин всегда был в одно и то же время. Вопрос, не предполагавший разных ответов в середине века. Его задавали матери, а отвечали на него

только отцы. Открытый вопрос в нашу, последнюю четверть века: ответ зависит от настроения любого из членов нашего семейного сообщества. Но для того, чтобы получить на него ответ, нужно еще потрудиться его задать: ты же убегаешь сломя голову утром и появляешься за полночь, с возмущением констатируя, что на ужин уже ничего нет.

И опять все мои рассуждения об этих аномалиях со временем тебя раздражают: почему это нельзя оставить тебя в покое. Пусть каждый живет как хочет: сидит всю ночь за уроками, валяется в кровати до полудня...

Однажды, когда ты заявил, что я настоящий диктатор и важнее будильника для меня ничего нет, я, добросовестно поразмыслив над твоими словами, изложила тебе два существенных мотива моего беспокойства:

1. Мотив общего порядка: твой бунт против привычек «нормальной» жизни вызывает тревогу за твое будущее. Поскольку все мы работаем и живем по общепринятому распорядку, мы знаем, что ни день, ни ночь не принадлежат нам на правах личной собственности. Мы не вольны использовать их по своему усмотрению. Чтобы заработать на жизнь, включиться в какую бы то ни было систему производства, нужно уже в первой половине дня бодро и осмысленно приняться за свое дело, а для этого необходимо спать ночью, а не днем. Совершенно необходимо смотреть на часы, чтобы не подводить людей. Абсолютно ни к чему делать удивленный вид, когда «обнаруживается», что сейчас позже, чем ты предполагал, и т. д. И мы, родители, с ужасом думаем о том дне, когда вам придется распроститься с привычками летучих мышей и не путать день с ночью. Однако чем ближе трудовая жизнь, тем яростнее вы приводите в беспорядок ритм своего существования. Абсурд?

2. Мотив частного порядка: ваша временна́я анархия отвратительно сказывается на нашей жизни. Связанные общим жизненным пространством, мы постоянно с вами в конфликте из-за того, что у нас не стало общего времени. Классические моменты жизни: время обеда, сна, работы перестали у нас совпадать, и мы вынуждены или сносить ваши неурочные запросы, или орать на вас, чтобы оставить за собой хотя бы отпущенное нам время для сна. И, уж конечно, это не способствует нашему общению и объясняет наше плохое настроение.

Я ворчу, потому что своей расхлябанностью ты воруешь мое время. То немногое время, которое я хотела бы посвятить своим интересам, а не ежедневным выяснениям отношений.

Почему? Почему я должна с тобой воевать? Я не хочу, мне надоело. Пойми же!

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Уважаемая редакция!

По моим письмам вы, наверное, решили, что я влюбилась в итальянскую эстраду. Да, в недавнем прошлом это было действительно так. Но вот я побывала на всех их концертах в Москве, и что же я услышала и увидела! Невнятные голоса, противное поведение... А какой неприятный осадок оставил сопровождающий Фольи ансамбль! И ладно бы отсутствие режиссуры — мы к этому давно привыкли. Но эти музыканты производили эффект комический и... провинциальный. А мы бежим за билетами на их концерты, записываемся в длинные очереди, ссоримся. Единственные, кому я остаюсь верна,— Д. Моранди, Т. Кутуньо и «Матиа базар»...

Да, менеджеры заставляют петь о любых пустяках, но молчать о реальных проблемах. Но ведь в Италии есть и те, кто больше внимания уделяет политическим и социально острым песням. Их диски тонут в море остальной продукции. И все-таки Джанни Моранди поет о мире, и жизнь начинает пробиваться сквозь парфюмерные чувства Пупо. Люди вслушиваются в эти песни, но вся беда в том, что не эта музыка господствует на итальянских фестивалях, которые показывает наше ТВ, а иная — та, что не мешает мыть посуду, разговаривать, танцевать... Песенки похожи, как близнецы: «аморе», «бамбино», «пьяно», «вита», «феличита»... Надоело слушать!

Ольга Захарова, г. Подольск,
Московская область

ЧЕТВЕРО ИТАЛЬЯНЦЕВ О СЕБЕ И О ПЕСНЕ

ПЬЕРФРАНКО АНДРЕАНИ

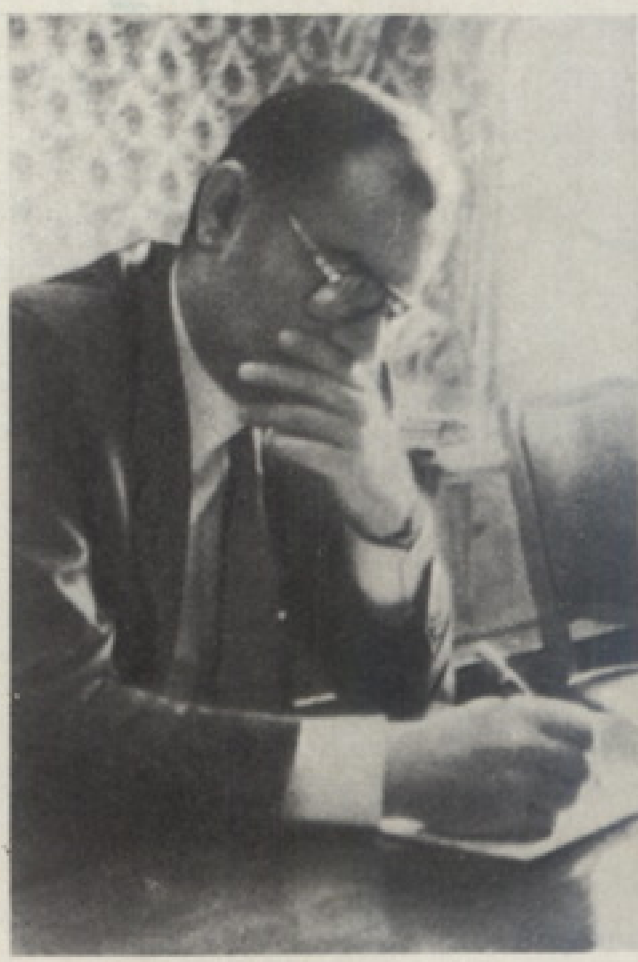
Назначено на девять утра, и в девять утра синьор Андреани чисто выбрит, в полосатом костюме, при галстуке и уже попил кофе. Синьор Андреани готов к разговору, улыбчив и расположен.

Это не сказка про доброго капиталиста. Синьор Андреани нормальный капиталист, он умеет делать деньги, понимает, как важно расположить к себе журналистов (хорошее впечатление — капитал делового человека), и взгляд его, брошенный на не вовремя сунувшегося секретаря, был холоден. Вкратце впечатление, которое он создает в разговоре, можно изложить так: «Я — self-made man». Этого словосочетания в итальянском языке нет, оно американское: «человек, сделавший себя».

Синьор Андреани — телепродюсер, владелец фирмы, работающей по заказам государственного итальянского телевидения, РАИ. К нам же приехал как деловой партнер Госконцерта СССР: организовывал для нас гастроли итальянских певцов Пупо, Марины Фьордализо и Тото Кутуньо.

— Расскажите, пожалуйста, чем занимается телепродюсер.

— Я выполняю работу двух типов. В первом случае я вкладываю свои деньги в какую-то программу. Например, мне приносят сценарий телеспектакля. Читаю, смотрю: может пойти. Делаю расчеты: сколько на техническую сторону дела, сколько платить режиссеру, операторам, монтажерам, актерам. Записав спектакль, продаю его. Второй вариант: работа по заказам. РАИ очень громоздкая организация, мелкие фирмы более мобильны, и РАИ поручает нам, скажем, снимать чемпионат Италии по регби. Составляю смету расходов для РАИ, подписываю контракт, потом каждое воскресенье с группой сотрудников езжу по городам, где идут игры. Затем монтируем материал, распределяем по аппаратам, и он идет в эфир. Одновременно с этим приходится делать еще семь-восемь программ: концерты, спектакли для детей, рекламу. Политических передач я не делаю, предпочитаю спорт и развлечения.

П. АНДРЕАНИ

— И сколько же длится ваш рабочий день?

— Часов десять-двенадцать. Но если человек хочет иметь ответственную работу и быть удовлетворенным ею, восьми часов ему мало. Правда, если вы согласны довольствоваться ролью простого служащего — тогда другое дело...

Моей самой большой и до недавнего времени единственной любовью была работа. Да, я пренебрегал личной жизнью, работал по выходным, по праздникам, в новогодние ночи. Поэтому поздно женился, мне уже сорок три, а женат я совсем недавно. Наверное, это возрастное — все чаще тянет к жене и дочке, но даже ради них я не стану жертвовать работой.

— А как вы считаете, можно воспитать стремление работать по максимуму?

— К этому должна быть определенная природная склонность. Сегодня, к сожалению, понятие «самоотверженность» стало несколько смешным. Все сильнее чувствуется желание винить других в том, что не делаем сами, что просто не хотим делать. Эта тенденция очень заметна у современной молодежи.

— Но не кажется ли вам, что вы склонны идеализировать свою молодость, свои тогдашние поступки и стремления?

— Когда человек говорит: «Вот в мои времена...», он таким образом прикрывает неудовлетворенность своим собственным сегодняшним положением. У меня нет желания говорить: «Когда я был молодым...», потому что человек, живущий интенсивно, к определенному возрасту достигает удовлетворения сделанным и может быть достаточно снисходительным к тем, кто живет иначе. Я не склонен к осуждению, я лишь спокойно рассматриваю различия.

Сегодня молодому человеку жить сложно. Общество предлагает ему все новые и новые соблазны, но не воспитывает в нем сознания, что для того, чтобы что-то получить, надо долго и трудно зарабатывать, постепенно, медленно становиться на ноги — в экономическом отношении. Молодой человек, видя, как что-то не удается получить сразу, бежит от труда. Вот это — проблема воспитания.

— Сколько сотрудников в вашей фирме?

— Двадцать два человека. Возраст — от девятнадцати до двадцати семи.

— Следовательно, люди молодые. Скажите, по характеру вы человек мягкий, жесткий — какой?

— Скорее мягкий, даже сентиментальный человек. Но когда надо, умею быть жестким. Я всегда работал так, чтобы не было стыдно перед самим собой, и, считаю, имею право требовать от сотрудников верности своим обязанностям в моем предприятии. Разве это несправедливое требование?

— А если сотрудники совершают ошибки? Вам приходилось кого-нибудь увольнять?

— Да, как-то мне случилось уволить одного сотрудника — он меня просто из себя вывел. Впрочем, на следующий день я взял его обратно. От меня зависит — загрузить работой людей так, чтобы никому не пришлось бездельничать.

— Как вы подбирали себе сотрудников?

— Когда решил создать свою фирму, обратился в учебное заведение, которое готовит работников для телевидения. Мне указали самых толковых, начал с ними сотрудничать, когда они еще учились, а потом взял их на постоянную работу. Зачем мне их увольнять? Они работают так, как я их с самого начала приучил.

— Вы считаете, подобная практика — предварительный сбор информации о том, кого брать на работу,— оправдывает себя?

— Безусловно. Ведь как было со мной? Я родился в буржуазной семье с весьма средним достатком. Отец служил в банке, мать — учительница. Я хотел быть журналистом, и мне повезло — устроился в газету «Мессаджеро ди Рома». Но журналистика не могла дать существенного заработка, я не хотел быть обузой для семьи и поэтому переключился на коммерцию. Работал в разных фирмах, успешно, но первая любовь — журналистика — тянула к себе, и я решил стать тележурналистом. Тем более что эта область развивалась все шире. Потом создал свою телефирму.

— Но для начала надо было ведь иметь какой-то капитал?

— Родители оставили мне в наследство лишь трудолюбие. Когда решил начать свое дело, обратился к людям, у которых раньше работал, они под гарантию моих способностей и трудолюбия дали мне две телекамеры. Нужны были еще и деньги. Я обратился в банк, у которого был такой рекламный лозунг: «Если ты живешь и работаешь в этом городе — это твой банк и он к твоим услугам». Я пришел к директору и говорю: «Я живу и работаю в Риме... И что будем делать?» Директор собрал обо мне сведения, убедился в моих деловых качествах и выдал мне ссуду под залог моей пишущей машинки. Так и началось.

Кстати, когда я привез сюда Пупо и Фьордализо, я пригласил в гости в Москву и того директора. Он сказал: «Знаете, Андреани, я вам дал тогда деньги, знал, что вы их вернете. Но только теперь я могу быть за вас совершенно спокоен: с вами сотрудничают русские».

— Насколько выгодны для вас контакты с Госконцертом?

— Организация гастролей — дело для меня новое. Но поскольку я знаю, что итальянские певцы, итальянская музыка у вас популярны, я полагаю, это дело верное. Конечно, гастроли одного какого-то певца больших доходов не приносят, но контракт с Госконцертом заключен на год, я организую серию гастролей, и они принесут мне тот доход, на который я рассчитываю.

Т. КУТУНЬО

ПУПО

Меня зовут Энцо Гинацци. Запомнили? Энцо Гинацци.

Мне уже тридцать, и я не собираюсь вечно быть Пупо. Это имя дал мне мой первый менеджер — «дитя», «куколка». Я взрослый человек, ответственный за свою жизнь и за жизнь своей семьи. Тот образ, что я создаю на сцене,— образ обычного парня, такого, как все, который пришел, чтобы дать вам час-полтора отдыха,— не совсем соответствует моему истинному «я».

Фирма грамзаписи, которая вывела меня в люди, называлась «Боби рекордз», и обращалась она к начинающим певцам со словами: «Если вы не собаки и вам есть что сказать, приходите к нам». До этого я тыкался во многие фирмы, но везде неудачно, а здесь повезло. Я опередил три-четыре тысячи конкурентов.

Это было одиннадцать лет назад, у меня несколько золотых дисков, я писал песни не только для себя, но и для других певцов.

Песни у меня разные. Иногда грустные, иногда веселые, иногда мне хочется бередить старые раны, иногда не хочется думать, и тогда я пишу «Джелато-чоколато»... Песни рождаются из настроений дня, я пою о том, что меня в данный момент больше всего волнует. Сейчас, например, мне хочется петь о равнодушии. Пусть лучше меня ненавидят, только пусть не будут ко мне равнодушны!

Я могу все понять:
День на день не похож.
Я могу понять, почему
У тебя меняется настроение.
Я принимаю это —
Я и сам немного такой.
Все мы такие,
У нас у всех свои проблемы.
Я пойму тебя,
Даже если в один
Прекрасный день
Ты меня разлюбишь.
Но я никогда не приму
Твоего равнодушия.

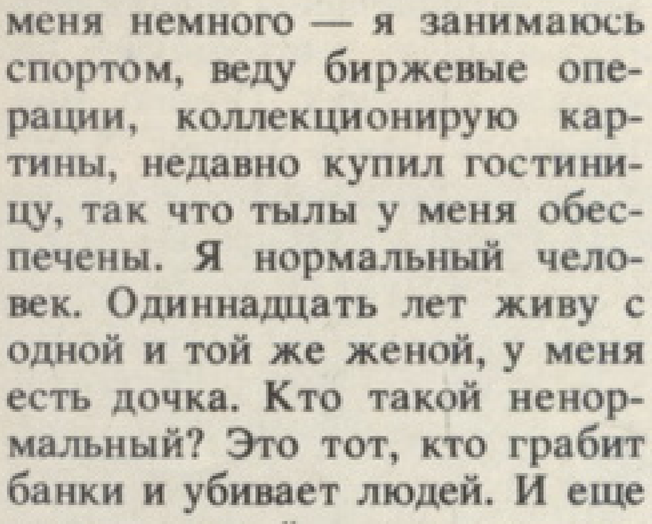
В этой песне выражены мои мысли, мое понимание поэзии. Я всегда был смелым. Когда-то я был отчаянно смелым, теперь у меня осознанная смелость. И если я решу, что пора отказываться от такого моего сценического образа или вообще уйти со сцены, я это сделаю.

Я не ментор, не учитель, мои песни — просто развлечение для усталых людей. Но если бы мне позволили сформулировать свою систему, если бы меня спросили, что главное в искусстве жизни, я бы сказал: умение уважать других. Еще очень важно уметь идти на компромисс: надо быть реалистом, жизнь— это компромисс. Жизнь могла бы быть легче, если бы люди умели сдерживать свои амбиции, если бы каждый занимал отведенное ему место.

В свободное время — его у меня немного — я занимаюсь спортом, веду биржевые операции, коллекционирую картины, недавно купил гостиницу, так что тылы у меня обеспечены. Я нормальный человек. Одиннадцать лет живу с одной и той же женой, у меня есть дочка. Кто такой ненормальный? Это тот, кто грабит банки и убивает людей. И еще ненормальный — это тот, кто всегда стремится выйти победителем. Я терпеть не могу героев. Хотел бы жить в прошлом веке. Тогда умным жилось легче: было много глупцов.

Э. ГИНАЦЦИ (Пупо)

М. ФЬОРДАЛИЗО

МАРИНА ФЬОРДАЛИЗО

В Италии проходит сейчас настоящая операция. Называется «безликая музыка». Берут какого-нибудь певца или певицу с хорошим голосом, но не отличающихся внешними данными, записывают фонограмму, потом берут какую-нибудь красотку или красавца — фотомоделей, манекенщиц, и пожалуйста: красотка пожинает на телевидении лавры славы. Даже про меня ходили такие слухи: будто вместо меня кто-то поет. Поэтому я теперь и на телевидении не пою под запись. Если кто хочет заключить со мной контракт — пусть раз-

решает мне петь «живьем». Это мой протест против таких сделок.

Я начала петь в двенадцать лет, отец был ударником в эстрадном ансамбле, я с ним и пела. До двадцати четырех пела в разных дансингах, а потом мама тайком от меня послала кассету с моими песнями на конкурс, и я участвовала в фестивале «Кастрокара» — фестивале молодых певцов. Для начинающих это очень важный этап. Потом — Сан-Ремо, я была там четыре раза, и с каждым разом мой профессиональный уровень рос.

Для нас Сан-Ремо очень важен, он помогает продавать пластинки. Ведь у нас сейчас с пластинками кризис, люди не покупают. И Сан-Ремо помогает в этом деле, а заодно дает международную известность. После Сан-Ремо меня знают многие.

Сейчас я стала много читать. Читаю по пять-шесть часов в день. Учусь. Раньше я книг не читала — только комиксы. Ведь в школе как учат? Не говорят тебе: читай ту или эту книгу. А говорят: учи наизусть стихотворение. Так что начинаешь ненавидеть итальянскую литературу и вообще классику. Помню, мне пришлось учить поэму Джузеппе Пасколи — двадцать пять страниц! Да любой ребенок возненавидит после этого литературу.

Я открыла для себя книги три года назад. Сейчас мне больше всего нравится Виктор Гюго. У него есть стихотворение о Пьеро, мальчике, который погиб. Оно такое нежное. Вот его я выучила наизусть. После того, как приеду от вас, начну читать Льва Толстого. Книги развили мою речь — я ведь раньше и говорить толком не умела. Они открыли мне глаза на людей, я стала лучше их понимать. И еще я открываю для себя новые слова, о существовании которых я и не подозревала.

Мы — поколение, которое выросло уже при телевидении. А телевидение отбивает охоту читать, телевизионные люди утрачивают инициативу, у них нет ни капли фантазии. Детей сажают к телевизорам с четырех лет, чтобы освободить мать от забот. С восьми утра — мультики, мультики, и так до восьми вечера. Кошмар! Я не хочу, чтобы мой сын был «телевизионным человеком», я читаю с ним сама.

Ему уже тринадцать лет, и я очень за него боюсь. Вы даже не представляете, что у нас сейчас творится. Ведь есть подонки, которые торгуют у школ конфетами, леденцами, начиненными наркотиками, и дети пробуют их с семи-восьми лет. А к тринадцати-четырнадцати становятся законченными наркоманами, начинают воровать, убивать — и все ради наркотиков. Я же все это видела: многие мои одноклассники погибли на улицах от наркотиков. Как я боюсь за сына! Я бы действительно ввела для тех, кто распространяет наркотики, да еще среди детей, смертную казнь. Я бы сама их убивала, на месте! Счастливые вы, не знаете этого ужаса.

Я хотела бы, чтобы у меня была песня, которая говорит о сегодняшних проблемах. Как была когда-то песня у Джанни Моранди «Есть такой парень», о войне во Вьетнаме. Но песни о любви понятны всем, а песни о социальных проблемах понятны только нам, итальянцам, они не пройдут за границей. Конечно, о социальных проблемах надо писать книги, серьезные книги, что́ песня — три минуты, но я хотела бы, чтобы для меня написали такую песню, в которой можно сказать о наболевшем. В Италии, например, возле Рима, стоят бараки. На Сицилии люди умирают от голода, целые семьи. А я пою песенки о любви. Жалко, что сама не умею писать.

ТОТО КУТУНЬО

Наверное, я один из немногих итальянских композиторов, которые пишут сейчас итальянскую музыку. И я горжусь этим. Потому что Италия больна английской и американской музыкой. Я очень люблю хорошие английские и американские песни, когда я слушаю Стиви Уандера, у меня мурашки бегут по коже, у него можно многому научиться, у него, у Рэя Чарльза, у других групп и певцов. Но в Италии увлекаются любой английской и американской музыкой — и хорошей, и плохой. Поэтому молодые итальянцы получают неудачное воспитание: они уже не могут отличить плохую песню от хорошей. Они думают, что если поют на английском, то это уже хорошо. Однако, когда итальянский парень остается наедине с девушкой, он слушает романтическую итальянскую песню, потому что эта песня — часть его души. А потом, когда оказывается среди сверстников, твердит: «Что за чушь!», стесняется.

Мои песни появляются от общения с другими людьми, я ведь человек улицы, южанин, вся жизнь южан проходит на улице, и впечатления свои они черпают из жизни улицы, а не из книг. Я смотрю в глаза людей, я вижу их жесты, можно не говорить ни слова — и понимать человека. Но сам я человек сдержанный, робкий, мне трудно объясниться, я коплю эмоции, и вот я подхожу к фортепиано,— это может быть в миг радости, грусти, тоски — и песня уже родилась. Все мои наиболее удачные песни сделаны в момент настроения.

Так было с песней «Итальянец». Я выступал в Канаде, в Торонто. Публика была по большей части итальянцы, эмигранты, они приехали в Канаду за куском хлеба. Это были итальянцы, которые сохранили в себе все итальянское, в них этого больше, чем в нас, живущих в Италии.

Они помнили Италию другой, не такой, какая она на самом деле,— в их тоске очистился образ родины. Какими они наградили меня аплодисментами! И я вышел к ним еще раз, в зале зажгли свет, я увидел эти лица — прекрасные, удивительные, итальянские. Лица, смотревшие на меня с любовью. И я вдруг сказал: «Я хочу написать песню и посвятить ее вам, людям, которые живут вдали от родной страны, вам, которые сохранили душу итальянской, вам, любящим свою страну. Это будет достаточно ироничная песня о нашей родной Италии, о нашей прекрасной стране. Если мне удастся написать такую песню, я поеду в Сан-Ремо и посвящу ее вам».

Можно по вдохновению написать очень простую песню, и она станет популярной, но потом, если ты повторяешься, если пишешь такую же только потому, что первая была популярна,— это уже не дело. Единственное, что у меня вышло похоже,— это «Серенада». Она похожа на «Итальянца», меня попросили сделать такую песню. Мне от этого стыдно.

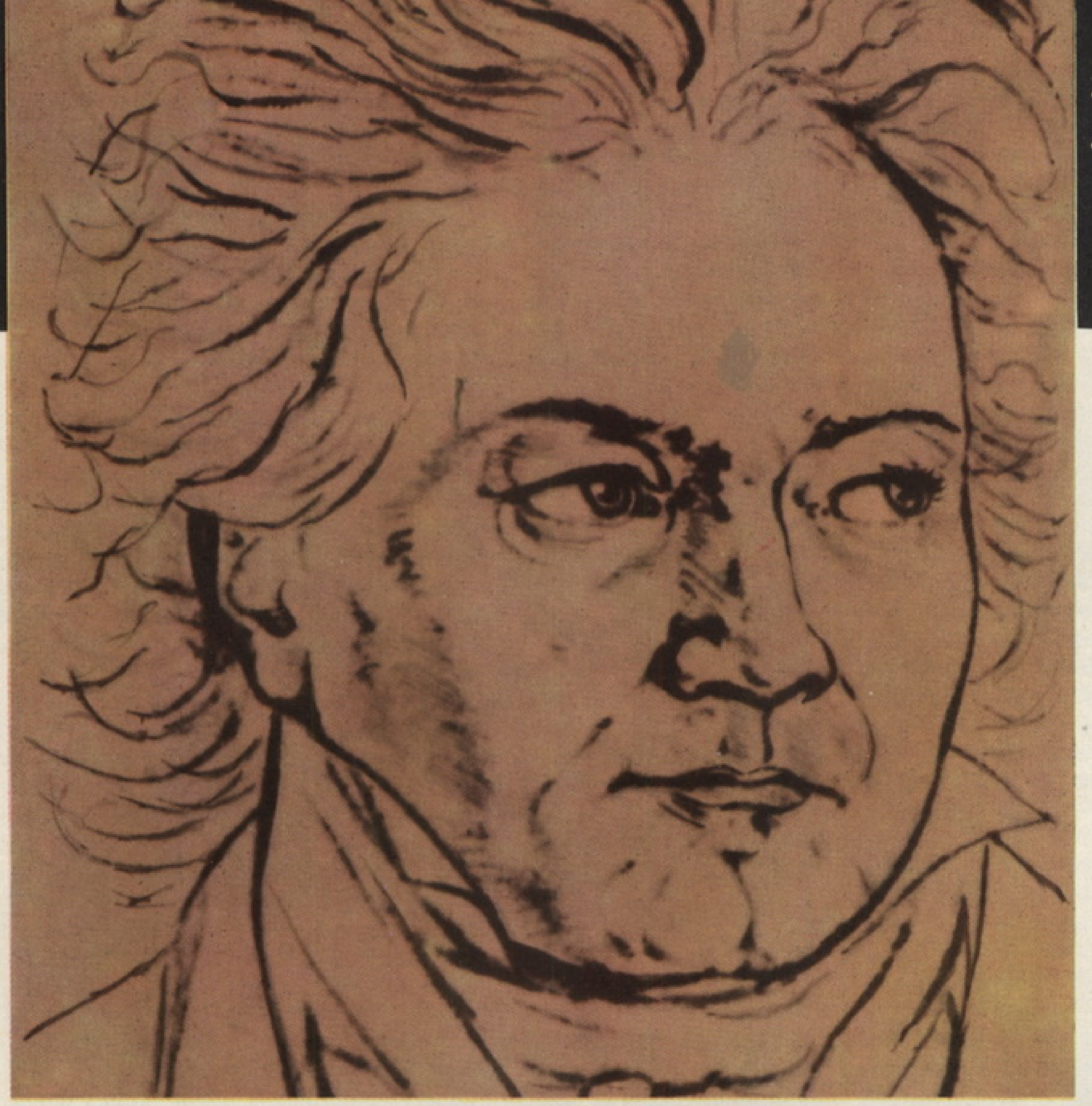
Критики упрекают меня в том, что я не ищу новые аранжировки, новые ритмы. Но зачем? Я — такой. Я склонен к старой, мелодичной итальянской песне, и зачем требовать от меня того, что против моего естества? Это все равно что заставить футболиста тяжелого, наступательного плана прибегать к утонченным финтам и проходам.

И к тому же мне кажется, что «старомодные» мелодии и настроения, которые несут мои песни, необходимы в сегодняшней Италии. Она меняется, и меняется к худшему. Мы становимся претенциозными, утрачиваем свои ценности, готовы каждый миг ссориться друг с другом. Жаль, потому что мы народ удивительный, мы полны фантазии, мягкости... нежности. Сегодня в Италии быть мягким, нежным — это смешно. Получается так: если ты хороший человек — ты последний человек. Все хотят казаться такими напористыми, поамерикански деловитыми. Почему надо подражать кому-то, почему не оставаться такими, как есть, и гордиться этим? Некоторые считают меня высокомерным, а я просто замкнутый, это от робости. Я люблю свою жену, мы живем вместе уже много лет, люблю родню, племянников, они часто гостят у нас в доме. Люблю ездить на мотоцикле, играть в футбол, но в сборной итальянских певцов не участвую. Нет, дело это хорошее — сборы от игр идут на благотворительные цели, но уж слишком все серьезно, игры, тренировки, прямо как у профессионалов. А моя профессия — музыка.

Здесь, у вас, мне показалось, что я снова попал в Италию, которой уже нет, но которую я так люблю. В страну, где у молодежи на устах искренние улыбки, где тебе пожимают руку и не спешат тут же предать, за спиной. Все это Италия потеряла или теряет. Мне очень грустно признаваться в этом, но это так. Это так...

С итальянцами в Москве беседовали А. МУДРОВ и Н. РУДНИЦКАЯ

P. S. Итальянские песни... Они так же отличаются друг от друга, как отличаются взгляды на жизнь их творцов. Мы полагаем, нет необходимости подсказывать читателю, чего стоят песни «обеспечивающего себе тылы» Пупо и чем они отличаются от песен Кутуньо, обеспокоенного судьбой любимой Италии.

БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРОВ

чрезвычайно удивлен. Между вашими предыдущими симфониями и этой мало общего. И завтра это удивит уже всю Вену...

— Я стремился создать нечто необычное... В предыдущих симфониях я также искал новые решения, но тогда я был моложе, я был влюблен, предпочитал пасторальные темы и даже пытался понравиться. Сейчас совсем другое. Эта музыка, как вы, ваша светлость, могли почувствовать, рождена более сложными движениями души. Видимо, поэтому она и вызывает недоумение.

Лобковиц поднял брови, и так как ему очень не хотелось выдать снедавшее его беспокойство, начал внимательно разглядывать свои отполированные ногти.

— М-да,— сказал он наконец.— Так я и думал, Людвиг. Вы удалились от мира, чтобы его изменить. Но спросили ли вы мир, любит ли он изменения?

— Гейлигенштадт — часть мира, ваша светлость, и «бегство», на которое вы намекаете, было лишь попыткой уединиться. Я удалился от суеты, чтобы лучше понять себя самого.

СИМФОНИЯ

ЛЕГЕНДА О 3-й, «ГЕРОИЧЕСКОЙ»

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский писатель

Первая репетиция новой симфонии состоялась в начале мая в одном из залов дворца Лобковица, в присутствии самого князя.

Князь Лобковиц сидел, смежив веки. Иногда он приоткрывал глаза и вглядывался в могучую спину Бетховена: композитор был похож на косаря, шедшего сквозь высокую траву. Лобковиц впервые слышал такую музыку. Да, в Людвиге всегда было что-то необычное, но такая симфония... Слишком уж неожиданно.

Это одновременно и радовало, и смущало князя. Несомненно, исполнение подобного произведения превратит его гала-концерт в событие, но, с другой стороны, может вызвать и скандал. А князь не любит скандалов, особенно в собственном доме... Лобковиц все чаще открывал глаза, его по-детски пухлое лицо морщилось. Наконец он не выдержал и всплеснул руками. Бетховен продолжал дирижировать, но музыканты, заметив жест своего благодетеля, один за другим прекратили играть. Не понимая, что происходит, композитор был уже готов рассвирепеть, но князь, опередив его, крикнул:

— На сегодня хватит, Людвиг! Отпустите господ музыкантов и подойдите ко мне!

Бетховен растерянно потоптался у пульта, затем низко поклонился оркестрантам и медленно направился к креслу Лобковица. Молодой хозяин демонстративно обмахивался надушенным носовым платком.

— Устали? — спросил он небрежно.

— Немного,— ответил композитор.— Коллеги здесь ни при чем, просто моя музыка...

— Именно поэтому я и позвал вас. Что вы можете сказать о вашей Третьей симфонии?

— Ничего особенного, ваша светлость...

— Так,— продолжил князь после короткой паузы,— и это все, что вы можете мне сказать?

— Не знаю, что вы хотели бы услышать, ваша светлость,— пробормотал композитор и тут же добавил: — Наверное, моя музыка несколько смутила вас...

— Смутила? — переспросил Лобковиц и улыбнулся еще более многозначительно.— Это неточное слово, милый мой. Вернее было бы сказать, что я

— Вот как! И что дало вам уединение?

— Покой, чистый воздух, хороших людей и симфонию, которую вы слышали.

— Только лишь?

— Думаю, и этого немало, ваша светлость... Кроме того, я размышлял о нравах и идеях нашего времени.

Голос композитора прозвучал неожиданно резко, и князь почувствовал себя задетым. Беседы с этим человеком всегда проходили трудно. Тон его был учтивым, но что за ним скрывалось?

— И все же, Людвиг, что вы хотите внушить слушателям своей новой симфонией?

— Две мысли, ваша светлость,— ответил композитор после некоторого колебания.

— Две мысли?

— Да-да, только две,— подчеркнул Бетховен.— Во-первых, Вена должна понять, что музыка тоже находится в движении. Рамо, Моцарт, Гайдн — не предел ее развития. Путь к совершенству открыт всегда. И я стремлюсь дока-

Окончание. Начало в № 2 и 3 за 1986 год.

зать это. Симфония, которую вы слышали сегодня в совершенно сыром виде,— это моя попытка сделать шаг вперед. Не знаю, удалось ли...

Но музыка — это не только звуки, ваша светлость, она имеет еще и содержание, и именно здесь кроется то второе, что я хотел бы объяснить. Время, в которое мы живем,— переломное время, и мастерства уже недостаточно, чтобы взволновать людей. Кроме умения, требуются еще и идеи. Мы уже не просто люди, мы граждане. Десять лет назад пастушья мелодия могла превратиться в великолепную музыкальную сказку. Сейчас все иначе. Сегодняшняя Европа живет под знаком перемен, сложных событий, поэтому...

— Прекратите! — выкрикнул Лобковиц и вскочил с кресла.— Вы говорите во дворце, а не в кафе! Я ваш меценат, а не оппонент в политическом споре. Не забывайте об этом!

— Простите, ваша светлость!

Лобковиц сделал несколько нервных шагов, затем добавил:

— Рассуждения о времени, идеях меня никоим образом не интересуют. На моем концерте должна звучать ваша новая симфония, а не ваша новая философия. Вы это понимаете?

— Да, ваша светлость.

— Тогда прекратим эту неуместную дискуссию.— Князь повернулся на каблуках и заметил шутливо, будто разговора и не было: — Кстати, в Гейлигенштадте есть красивые девушки?

Композитор отступил на шаг и произнес:

— Разрешите идти, ваша светлость?

— Ну, Людвиг,— Лобковиц снисходительно рассмеялся,— вы потеряли чувство юмора!

Бетховен сделал еще шаг назад и сказал с ехидцей:

— Если говорить о девушках, то это вовсе не смешно, ваша светлость. Бомарше и Моцарт давно это доказали.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду «Свадьбу Фигаро»— оперу, которую аристократы не любят...

— Ах, да,— ответил Лобковиц,— позор хозяев и триумф слуг...

— Именно так, ваша светлость. Многие из ваших слуг рождены в Гейлигенштадте.

После этой реплики композитор слегка поклонился и направился к выходу.

Князь поморщился, затем топнул ногой, как капризный ребенок, и крикнул:

— Послушайте, Людвиг...

Бетховен был уже у двери и этих слов не расслышал. Закрывая дверь, он сказал застывшему как изваяние слуге:

— Будьте внимательны, его светлость разгневаны!

А в это время князь Лобковиц быстро ходил по залу и бормотал в свой надушенный платок:

— Осел! Талантливый осел! Уж я его проучу...

«Талантливый осел» жил далеко от дворца и домой добрался, когда уже стемнело. Его друг Рис снял для него мансарду в доме с острой готической крышей и слуховыми окошками. Лестница была крутой и страшно скрипела.

Войдя в комнату, он сразу же заметил большой красный тюльпан и записку. Тюльпан оставила часто заглядывавшая сюда княгиня Лихновская, а записка была от Фердинанда Риса. Цветок лежал на продолговатой шелковой подушечке, украшенной гербом рода Лихновских, в записке же говорилось: «Хочу сообщить тебе что-то очень важное. Дождись меня!»

Бетховен взял тюльпан и, открыв фортепиано, положил его на клавиши. Затем прилег на кровать, рассеянно глядя в потолок. В эту минуту кто-то сильно постучал, и композитор вскочил с постели:

— Войдите!

Это был Рис, он не вошел, а буквально ворвался в комнату, размахивая газетой.

— Что случилось, Фердинанд?

Рис устало опустился на стул у фортепиано.

— Твоя симфония, Людвиг...— начал Рис.— Приготовься услышать самое худшее...

— Самое худшее?

— Да-да, очень неприятное... Сегодня пришла депеша из Парижа. Наполеона уже нет. Есть Наполеон Первый. Бонапарт провозгласил себя императором Франции.

Композитор вздрогнул, словно его кто-то ударил. Затем наклонился к Рису и прокричал:

— Понимаешь ли ты, что говоришь!

— Конечно... Консул коронован. Коронация состоялась в Нотр-Дам, в присутствии генералов, которые отныне уже маршалы. Среди приглашенных был и Бернадот, он теперь тоже маршал. На церемонии присутствовал также наш граф Кобленц...

Бетховен подошел к окну и распахнул его. В комнату хлынул шум улицы. Ужасно! Ему хотелось закричать на всю улицу: «Он обманул нас! Он принял титул императора, он превратился в глупого павлина, в червяка в мантии, в дерьмо! Слышите ли вы, братья и сестры, что нас снова предали. Те, кто казнил короля, вновь на коленях перед троном. Погибли высокие идеи, а звезды покидают землю в испуге и отвращении!»

Бетховен резко повернулся, руки его дрожали. Он подошел к столу и стал рыться в куче бумаг. Это были переписанные начисто листы его новой симфонии, на которой стояло выстраданное, но уже ненужное: «Буонапарте». Как же это получилось? Что за нелепость!

— Это же предательство, Фердинанд! — Бетховен горько усмехнулся.— Только представь, сколько подвигов пришлось совершить этому карлику, чтобы взобраться на старый трон Людовиков...

Рис развел руками:

— Наверное, политика...

— Оставь политику! Каждый политик может быть паяцем, но редко кто — героем. А он был героем. Или мне это только казалось?

— Кто знает, мы его боготворили и каждый его шаг считали гениальным. Может быть, слепая вера мешала нам мыслить...

— Да-да, вера, Фердинанд, именно в этом обманул нас наш герой. Вера — это мораль, а он оказался аморален... И не только он. Аморальными оказались все, окружавшие его...

— Они все смотрели на него как на божество. Кроме того, его корона превратила их в маршалов, баронов, графов, герцогов. А за этими проклятыми титулами и званиями идут имения, деньги, привилегии, гораздо более сладкие, чем суровая благодарность революции...

Рис умолк. Он понимал, что творится в душе композитора. Его симфония, крупнейшее его произведение, унижено изменой. Может ли быть отрава горше, чем эта?

Бетховен глухо произнес:

— Я не могу больше слушать эту музыку. Она осквернена... Если консул потерял себя для истории, то я не хочу потерять себя для музыки. Моя симфония не будет воспевать императора. Мост при Арколе оказался всего лишь шагом к короне. Он должен быть сожжен навсегда! И это будет справедливо...

— Этого не может, не должно быть! Симфония принадлежит всем, всей Вене, всему миру. Посягнуть на нее — значит совершить убийство!

Глаза Бетховена были полны слез:

— Разве я, бедный музыкант, могу наказать императора?

— Да, да, Людвиг! Можешь!..

Бетховен поднял руку, и Рис умолк. Композитор думал, закрыв глаза. Наконец произнес изменившимся голосом:

— Я его прокляну той же музыкой, которой хотел воспеть... Когда я взмахну палочкой и в зале прозвучат первые два аккорда, знай, что это две пощечины лжецу. Это будет мое возмездие, Фердинанд.

Бетховен взял титульный лист и разорвал его сверху донизу. Затем обмакнул перо в грубую оловянную чернильницу и крупными буквами написал на чистом листе: «Sinfonia Eroica». Рис прочел вслух:

— «Эроика»! «Героическая симфония»!

— Думаю, это самое точное название, Фердинанд. Теперь честь моста при Арколе будет спасена. И честь симфонии тоже...

Бетховен бросил перо на стол и глубоко вздохнул. Он почувствовал внезапную усталость.

На следующий день, после второй репетиции во дворце Лобковица, композитор сказал князю:

— В программе концерта, ваша светлость, надо сообщить, что будет исполнена Третья симфония ми-бемоль мажор, названная «Eroica»...

— «Eroica»?! — Лобковиц удивленно поднял брови.— Но разве это модно, Людвиг? Даже в Париже слово «героизм» уже не в моде.

— Именно поэтому, ваша светлость!

Долгожданный июньский концерт, даваемый князем Лобковицем и его высокочтимой супругой, запаздывал. Гости во главе с представителями императорской семьи, раздосадованные отсутствием дирижера, лениво тыкали ложечками в фисташковое мороженое. Несмотря на распахнутые окна, воздух был тяжелым от запаха духов. После пятой минуты кто-то демонстративно кашлянул, шушуканье превратилось в ропот. Сидевший впереди, рядом с императорскими особами, хозяин был весь в поту. Глазами он отдал приказ, и несколько десятков слуг помчались на розыски маэстро Бетховена...

Наконец, когда ожидание стало просто невыносимым, появился маэстро. Спокойный и невозмутимый, он взобрался на подиум и, прежде чем поклониться знатной публике, приветствовал оркестр. Затем большим пестрым платком вытер шею и как-то неожиданно высоко поднял руки. Застыл на мгновение, собрав взгляды всего зала, и вдруг взмахнул руками так резко, что публика вздрогнула. Качнулся в движении оркестр, и нежный слух венских аристократов был оглушен ворвавшейся лавиной звуков. Сто невидимых батарей обрушили свой беспощадный гром, собранный в два аккорда, рассекшие воздух. Этот удар сообщил миру, что прежде, чем стать красотой, музыка должна быть моралью...

Бетховен не дирижировал, он командовал оркестром. Подавшись вперед, он подпевал инструментам, забыв, что у него за спиной вся знать Вены. Единственное, о чем помнил в эти мгновения композитор, так это о возмездии Бонапарту. Он бичевал измену и предательство.

Надушенная публика не подозревала, что перед нею разыгрывается драма обманутого человека, человека, который жаждал возмездия. Только один из присутствовавших знал то личное, что было вложено в «Героическую». Это был Рис, стоявший у дверей, среди лакеев, которые держали в руках подносы с мороженым. Рис стоял навытяжку, словно воин, готовый броситься вперед, если человек на подиуме покачнется, сраженный своей собственной музыкой. Дирижер поднимал и нес вперед знамя, которое генерал, или, точнее, предатель, втоптал в грязь, карабкаясь на трон...

Финал еще звучал, когда один из скрипачей упал в обморок. Бетховен повернулся к публике. Перед ним была стена белых масок с сверкающими гневом глазами. Одна из масок произнесла:

— Но это же ужасно!

«Нагнал я на них страху!» — подумал композитор и поклонился. Никто не аплодировал, кроме Риса, скрытого толпой...

На следующий день одна из венских газет сообщила читателям, что в отличие от новой симфонии господина Людвига ван Бетховена фисташковое мороженое князя Лобковица было превосходным.

Перевел с болгарского
В. МИЛЮТЕНКО

САМБА НА ТБИЛИССКОМ СТАДИОНЕ

Бразильские футболисты стали в 1985 году чемпионами мира среди юниоров. Некоторые из ребят, о которых рассказывается на этих страницах, возможно, примут участие и во взрослом чемпионате мира, который открывается в мае на стадионах Мексики.

— Когда мы поедем в Чибилизи?

— Здесь можно найти «каджа́до»?

— Вы играете в футбол и поедете с нами в Чибилизи? Захватите с собой форму — поиграем...

— «Каджадо», «каджадо», «каджадо»!

Сыплются имена, мелькают лица, я судорожно соображаю, на что похоже это такое нужное всем сразу «каджадо», корреспондент «Советского спорта» теребит за рукав и требует интервью с тренером, а еще не получен багаж, не заполнены таможенные декларации и вокруг еще столько «не», «не», «не»...

Наконец мы выбираемся на Ленинградское шоссе. Не знаю, как там ребята в автобусе, а мой попутчик в «Волге» господин Алвес, менеджер команды, не может скрыть удивления размахом и ширью московских магистралей. Я же постепенно приноравливаюсь к бразильскому варианту португальского языка. Чибилизи — это, понятно, Тбилиси, а вот самое главное слово на ближайшие три недели будет звучать так — фучбол.

СНОВА В ДОРОГУ.

Первая ночь в Москве была очень короткой. Рано утром мы встретились вновь и отправились во Внуково.

Вместе с нами летела сборная Саудовской Аравии. Среди руководителей арабской делегации выделялось несколько человек европейского типа.

Они вдруг заговорили с бразильцами. Я прислушался — разговор шел на португальском. Так я узнал, что арабских футболистов тренируют бразильские тренеры. Значит, и с Саудовской Аравией будет трудно играть...

Ребята, казалось, совершенно не чувствуют ни разницы во времени (7 часов), ни перегрузок полета. Хохочут, поют, беседуют на каком-то языке и с арабами, и с грузинами. Только тренерский состав пытается вздремнуть.

БРАЗИЛЬЦЫ В ТБИЛИСИ!

А теперь представьте себе яркое южное солнце в чистом небе и маленьких виртуозов в черкесках, которые лихо отплясывают на бетонных плитах аэропорта под зажигательную мелодию... И грузинских красавиц в национальных одеждах с цветами в руках... И стройных джигитов с огромными подносами, которые ломятся от сочных даров щедрого юга...

Автобус долго не мог отъехать. В Грузии оказалось на удивление много ответственных работников, которых было необходимо немедленно представить главе бразильской делегации.

«О-о-о,— может сказать почти каждый болельщик.— Футбол в исполнении бразильцев — это уже нечто большее, чем просто спорт. Это Игра, Праздник. Причем для самих игроков в первую очередь. А уж для болельщиков наблюдать за таким спектаклем — истинное наслаждение». Сотни эпитетов были придуманы и розданы в последнее время Пеле, Гарринче, Тостао, Дж. Сантосу, Ривелино, Жерсону, Зико, Сократесу, Фалькао... И хотя последние трое по-прежнему в строю и скорее всего мы их увидим в Мексике, кажется, наступило время нового поколения.

Но кто же именно из этих ребят достоин славы предшественников? Пока я этого не знаю — мы едем на первую тренировку.

Бразильской команде выделили тренировочную базу тбилисского «Динамо» в Дигоми. Прекрасное спортивное сооружение! Два аккуратных футбольных поля, великолепный рекреационно-лечебный центр. Врач команды Жозе Рунко ахал и охал, рассматривая оборудование и комнаты для психотерапии, для лечения простудных заболеваний...

Тренировки бразильцев строились довольно просто. Вначале все садятся в кружок в центре поля и тренер Жилсон Нунес определяет основные задачи, разбивает игроков на пары. Разминкой руководит тренер по общефизической подготовке (ОФП) Измаэл Куртц, упражнениями с мячом — Нунес. Остальные — менеджер Пауло Роберто, врач Жозе, массажист Пауло Сезар, администратор Паулино и переводчик Алешандре — помогают. Разминка длится минут 15—20, затем по так называемому «немецкому методу» игроки отрабатывают упражнения с мячом в парах. Вратари, естественно, тренируются отдельно. В конце занятий — отработка штрафных и одиннадцатиметровых ударов.

На первой тренировке я стал присматриваться к ребятам. Выделить кого-либо было трудно. Все четко и сосредоточенно выполняли задание тренеров. Никаких чудес техники — игроки использовали самые простые и экономные движения для обработки мяча.

Первыми запомнились те, кто имел прозвища. Вы, наверное, знаете, что в бразильском футболе многие игроки известны больше под прозвищами, чем под настоящими именами. Объясняется это тем, что имена подчас длинные, да и разнообразием не блещут. В этой команде всего пять игроков имели клички: Дида — № 6, Миллер — № 10 (его вы видите на снимке), Шико (запасной вратарь) — № 12, Полако — № 13 и Балало — № 18. Все клички более-менее случайные. Миллер получил свою в наследство от старшего брата, который тоже играл в футбол, а белокожий брюнет Жоао Карлос Дорнеллес Фалькао по какой-то ассоциации был прозван Полако (то есть — Поляком). К тому же один Фалькао в бразильском футболе уже есть.

А на этого рослого чернокожего парня нельзя было не обратить внимания. Он все делал с ленцой — разминался, корчась от боли, совершал через силу рывки с мячом, нехотя бил по воротам. И все время что-то бормотал, от чего ребята покатывались со смеху. Его имя — Жерсон. Номер девять. Центральный нападающий.

«Неужели эти скромные ребята собираются выигрывать чемпионат?» — думалось мне. Вокруг только и говорили, что бразильцы — самые вероятные претенденты на первое место, а я пока видел просто крепкую, дисциплинированную команду без всяких претензий на исключительность.

САМБА, САМБА, САМБА!

Бразилия для многих — это карнавал, футбол, кофе. Бразильские мальчишки почти не пили кофе, а вот о карнавале заставляли вспоминать постоянно.

Наш «Икарус» и так ездил по городу в почетном сопровождении милиции, а тут еще трафарет «Brazil» на лобовом стекле и оглушительная бразильская музыка из всех окон. Кто-то привез с собой несколько кассет, и с любезного согласия водителя ребята слушали их с утра до поздней ночи. Так вот, когда наш кортеж проносился по городу, замирали и машины и прохожие. Все улыбались, приветствовали бразильских футболистов, поднимали кверху большой палец...

А на заднем сиденье вратарь Клаудио устраивал карнавал. Он плясал самозабвенно, представляя одновременно и себя, и партнершу (она тоже танцевала неплохо). Ребята хлопали в такт музыке, хохотали, иногда присоединялись к Клаудио.

Разминалась команда прямо в раздевалке. За 20 минут до выхода на поле все 25 человек становятся в круг и берутся за руки. Первым говорит тренер Жилсон Нунес:

— Мы выходим на поле, чтобы участвовать в таком важном соревновании, как чемпионат мира... Сегодня наша первая игра, и мы должны показать все, что мы умеем, чтобы победить... Вы можете, я уверен в этом, и должны выиграть!.. Слабых соперников не будет, уважайте всех, кто выходит играть против вас... А сейчас дадим слово нашему товарищу Луису Карлосу.

Капитан команды призывает партнеров отдать все силы борьбе, помогать друг другу на поле, и тогда обязательно придет победа...

Затем все произносят: «Аве, Мария».

Тбилиси, Центральный стадион «Динамо», 24 августа 1985 года, 15 часов. Жара около 40 градусов. Чемпионат мира по футболу среди юниоров начинается.

...Проходит 10, 15 минут, бразильцы приноравливаются к жаре, и... я перестаю их узнавать! Они играют все красивее и красивее, мягкий прием мяча, четкие, осмысленные передачи, два-три касания — и резкий пас вперед на Жерсона или Балало.

Это был футбол! Прекрасная, любимая нами игра! От матча к матчу раскрывались новые стороны бразильской сборной. Это была команда уже вполне сложившихся игроков. Каждый из них понимал свою задачу на поле и выполнял ее с достоинством зрелого мастера и честного спортсмена.

Четырежды на стадионах Тбилиси выигрывали юные бразильцы и танцевали самбу. Они не подвели своего тренера и не разочаровали грузинских болельщиков.

Выделить кого-либо из молодых бразильских футболистов — задача не из легких. Жилсона Нунеса так и не удалось уговорить сделать это — ни журналистам, ни мне он на этот вопрос не ответил. Команда была ровной по составу. Бывшая когда-то слабым местом бразильского футбола оборона сыграла удивительно четко. В Бразилии, похоже, растет замечательный вратарь — Клаудио Таффарел. Левый защитник Дида (№ 6) обладает прекрасными физическими данными, техничен, у него сильный удар с обеих ног и огромное желание помогать полузащитникам и нападающим. Очень просто и надежно сыграл центральный защитник Энрике (№ 4). Опорный полузащитник Жоао Антонио (№ 5) во всех играх «выкладывался» так, что еле стоял на ногах после их окончания. Умным и зрелым мастером проявил себя диспетчер Силас (№ 7). Два выдвинутых вперед нападающих — Балало (№ 18) и Жерсон (№ 9) — совершенно не похожи друг на друга ни внешне, ни по манере игры, и потому, наверно, им так легко удавалось расшатывать оборону соперников и таким образом создавать своим полузащитникам и защитникам возможности для атаки. На-

до бы найти добрые и верные слова и для остальных игроков, но те, кого я перечислил, на мой взгляд бывшего футболиста, вполне могут появиться в первой сборной Бразилии.

ТРЕНЕР

Больше десяти лет продолжалась его жизнь профессионального футболиста. Он играл в таких известных клубах, как «Васко да Гама» и «Америка» (Рио-де-Жанейро). И вот уже многие годы Жилсон Нунес работает тренером. Он тренировал юношеские команды тех клубов, где играл сам, был помощником тренера в сборной страны. Два сезона поработал в Объединенных Арабских Эмиратах — там его клуб стал чемпионом.

В апреле 1985 года Бразильская конфедерация футбола заключила с ним контракт на полгода для работы с юниорской сборной. Сразу после чемпионата мира контракт заканчивается, и от того, как выступят бразильцы, зависит судьба и Жилсона Нунеса.

Я не заметил особых воспитательных усилий с его стороны. К ребятам он относился как к взрослым, сознательным людям. Не прятал, к примеру, верхнюю одежду, как это делал тренер испанских юниоров. Может быть, надобность в нравоучениях отпала после случая с двумя игроками в Мексике. Там за несколько месяцев до финальных игр мирового первенства проходил «Турнир Жоао Авеланжа». Несколько ребят — по свидетельству журналистов, едва ли не самых способных в сборной — совершили в гостинице какой-то проступок, да и вообще посматривали на остальных товарищей несколько свысока. Жилсон Нунес взял на себя смелость исключить их из состава сборной.

Как ни бились журналисты — Нунес никого в своей команде не выделял и светлого будущего никому не предсказывал. Даже лучшего игрока после окончания турнира в Тбилиси определяли остальные члены тренерского совета (они, кстати, назвали Энрике). Потому что главный принцип бразильского тренера такой: команда должна составлять единый, сплоченный коллектив, в котором каждый игрок знает свою задачу для достижения основной цели — победы, и потому не может быть среди них разделения на хороших и плохих — перед Игрой все равны.

ПРОЩАЙ, ТБИЛИСИ!

На холщовом транспаранте как бы неумелой рукой выведено по-грузински: «Спасибо, тбилисцы! Мы вас любим!»

Когда запасные игроки Марсал и Изаэл выбежали на поле после победы над Колумбией с этим транспарантом в руках, овации на стадионе «Динамо» вспыхнули с новой силой. «Бразил! Бразил! Бразил!» — скандировал стадион. Это была награда за красивую игру.

Если в первом тайме колумбийцы еще как-то сдерживали натиск бразильской сборной, то на второй их явно не хватило. Жерсон, долговязый артист, раз за разом обманывал стражей и вратаря, и хваленый Унсуе дважды был бессилен против выпадов нападающего. А между голами Жерсона забивали Балало и Силас... Колумбийцы поменяли вратаря, но бразильскую команду уже невозможно было остановить. Дальний удар Миллера растерявшийся новый вратарь пропускает между ногами, а на 90-й минуте победную точку эффектно ставит Жерсон. 6:0 — так ответили Жилсон Нунес и его ребята на самоуверенное заявление колумбийского тренера о легкой победе над бразильцами.

Настала пора прощаться с гостеприимным Тбилиси и отправляться в другой конец страны — на берега Невы. Что будут вспоминать ребята о Грузии? Наверняка — теплоту и добрую поддержку всех, кто отвечал за организацию турнира, и, конечно, грузинских болельщиков. Особенно одного из них.

...Он каким-то образом проникал на базу в Дигоми и смотрел тренировки. Потом немного осмелел и показал кому-то из ребят общую тетрадь. В ней были вырезки из газет, фотографии игроков и подписи, как в настоящих альбомах: «В атаке — Дида!» Бразильские мальчишки были растроганы. Худенький, непохожий на девятиклассника Вовка, оказывается, уезжал из дома в пригороде Тбилиси ранним утром и целыми днями сторожил когонибудь из своих кумиров. Удалось добиться разрешения, и Вова ездил с нами в автобусе. Не зная языка, они разговаривали! Впрочем, почему не зная? Они говорили на языке футбола, на языке страсти к этой прекрасной игре!

В аэропорту Вова плакал. У многих бразильских ребят тоже на глазах были слезы...

Но «каджадо»! Вы, конечно, уже давно забыли о нем, а я каждое утро обходил тбилисские магазины. Не было их нигде! «В Ленинграде, в Ленинграде»,— успокаивал я ребят.

С БЕРЕГОВ КУРЫ НА БЕРЕГА НЕВЫ

Ленинград одарил нас многими подарками. Во-первых — за два с половиной дня ни одного дождя! Во-вторых — четкая работа оргкомитета. В-третьих — победа над сильной командой Нигерии. Да и сам город — музей под открытым небом.

Во второй день почти весь тренерский совет изъявил желание совершить утром поездку по городу. Совершили. Сейчас они, наверное, проявили уже свои пленки и теперь рассказывают родственникам и друзьям: «Это — Исаакиевский собор, это—Летний сад, это — Марсово поле, это — могила Неизвестного солдата, а вот это — Петропавловская крепость...»

На следующий день мы пошли в Эрмитаж. В полном составе — даже Нунес проснулся в девять ради музея! Гости были поражены и долго не могли поверить, что за те несколько часов, что мы провели в Эрмитаже, они едва ли увидели треть его залов.

После обеда до отъезда на игру оставалось еще время, я выпросил машину, и мы помчались. Вот он — пятый подарок Ленинграда: я нашел «каджадо»!

Да, может быть, не все знают, что это такое? «Каджадо» — так бразильцы произносят португальское слово «кадеаду», висячий замок. Да-да, маленький висячий замок для чемоданов — вот что нужно было бразильским ребятам, потому что они очень опасались за сохранность своего багажа в аэропорту Рио-де-Жанейро...

После победы над сборной Нигерии они получили этот маленький подарок.

КЕМ ТЫ СТАНЕШЬ, ПАРЕНЬ!

«Эй, парень,
А ну-ка скажи нам,
Кем ты станешь, когда вырастешь?»

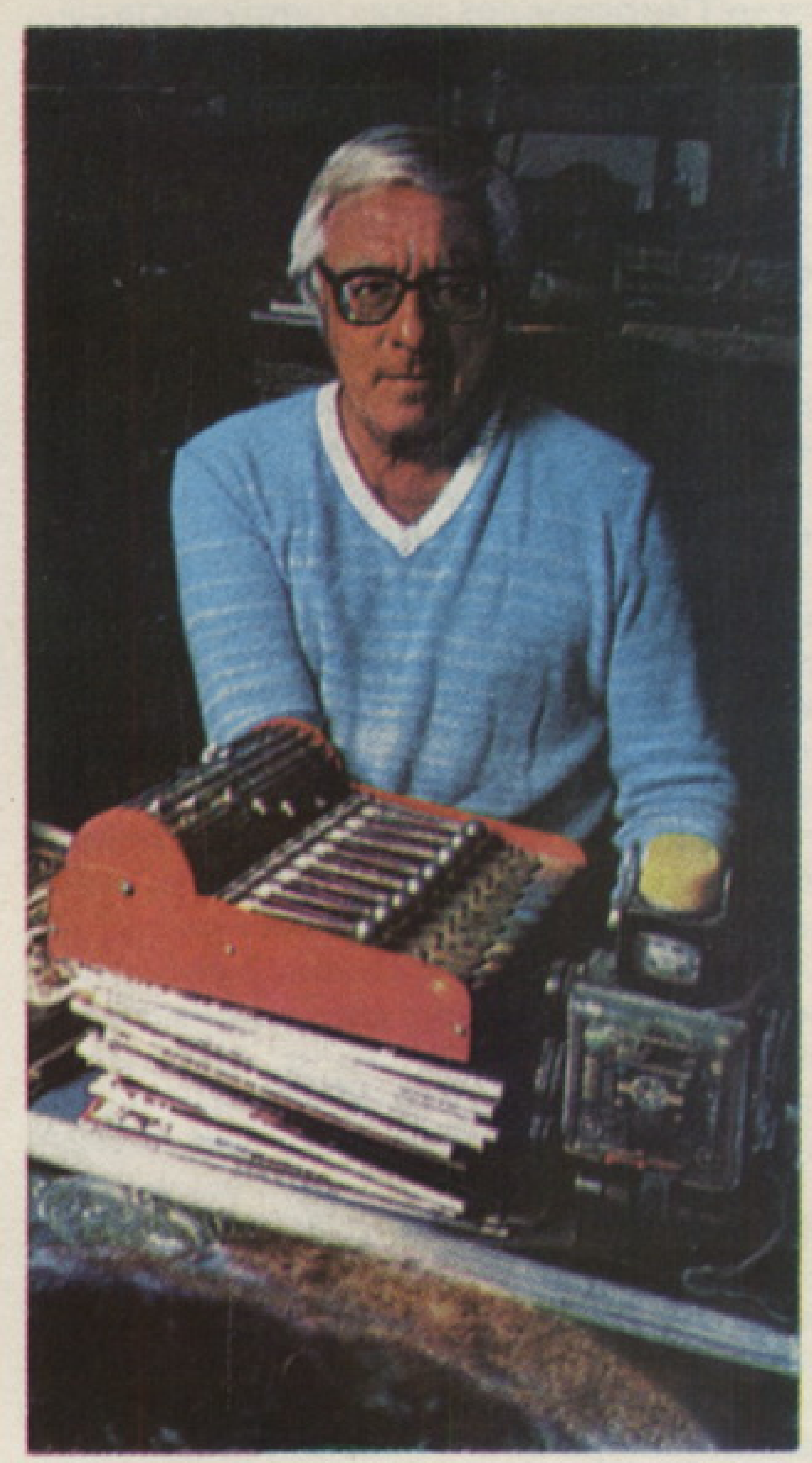
Эту шуточную песню ребята пели бесконечно. Сначала все выкрикивают имя кого-нибудь из игроков, затем поют ему куплет-вопрос, а он уже в припеве дает ответ, и чаще всего такой, что мы покатываемся со смеху.

Однако было очевидно, что этот вопрос для юных футболистов сейчас самый важный. Хотя все они уже играют в таких известных клубах, как «Гремио», «Сан Пауло», «Коритиба», «Гуарани», ни один не имеет пока профессионального контракта. До 20 лет все они считаются юниорами и не имеют права заключать контракты. От удачи в этом чемпионате зависело их будущее.

А что дальше? Почти для всех футбол — единственная надежда выкарабкаться из нужды. У Балало в декабре 1984 года умерла мать, и он с помощью отца должен заботиться о своих десяти братьях и сестрах. Жоао Антонио — сирота, первые семь лет своей жизни он провел в приюте, мечтает скопить немного денег и обзавестись животноводческой фермой. Тозин уже работал в столярной мастерской и помощником дантиста в клинике. Силас хотел бы продолжить учебу.

Совсем неплохо, если бы сбылись мечты этих симпатичных ребят. Одна уже сбылась. Они стали чемпионами мира. В красивой и чистой борьбе они победили. И поэтому не скрывали слез — плакали от счастья. А это совсем не одно и то же, когда плачут от бессилия. В таком отношении к футболу, в такой самоотдаче хороший урок нашим юным и не очень юным футболистам. Я верю, что он пойдет им на пользу.

А. Шорин

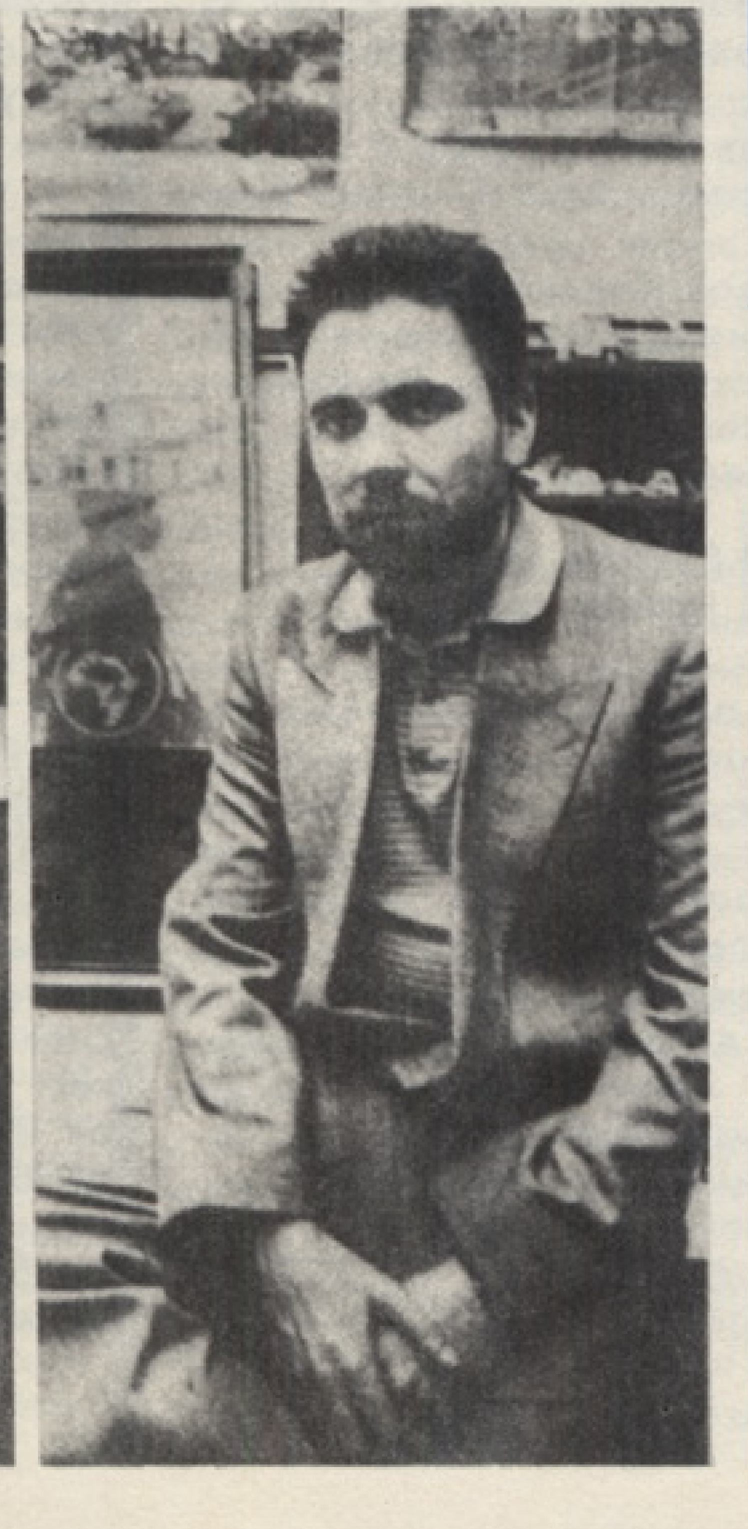
ЧТО ЧИТАЮТ! «У меня четыре взрослые дочки и трое внуков. И все равно мне кажется, что я еще мальчишка. «Во, дает!» — дивясь на себя, кричу я каждый день...»

«Я ходил в школу в необыкновенном пиджаке — на нем были дырки от пуль. Мама их заштопала. Пиджак мне достался в наследство от дяди, его убили грабители. Убийц так и не нашли, и я все детство промечтал стать детективом и найти преступников. Потом подрос и все думал: надо бы написать детектив. Но работа мешала...»

Работа — 400 рассказов, романы, сценарии, переведенные на 20 языков мира. Наконец в 65 лет знаменитый американский писатель-фантаст Рей Брэдбери написал настоящий детективный роман. И название страшное: «Смерть — частное дело». Правда, критики сомневаются в соответствии романа канонам жанра: «Слишком много в нем солнца, юмора и знаменитого «Во, дает!»,— пишет журнал «Тайм».

ВЕСТИ ИЗ ХИТ-ПАРАДА. В № 1 за этот год мы рассказали о музыканте и композиторе из группы «Спешиалз» Джерри Дэммерсе (на снимке справа) и его песне, посвященной выдающемуся борцу против апартеида Нельсону Манделе. Английский еженедельник «Нью мюзикл экспресс» сообщил о новой пластинке Дэммерса, записанной вместе с известным певцом Робертом Уайаттом («Ровесник» писал о нем в № 12 за 1980 год, на снимке слева) и обучающимися в Лондоне студентами — членами Народной организации Юго-Западной Африки. Пластинка называется «Ветер перемен», в ней говорится о борьбе народа Намибии за свободу и справедливость. По результатам опроса публики «Ветер перемен» вошел в десятку лучших синглов 1985 года.

ВОПРОС ?! ОТВЕТ

Давно интересуюсь группой «Юрайя Хип».
С. Давиденко, г. Херсон

Группа «Юрайя Хип» (это английское произношение названия) возникла после того, как певец Дэвид Байрон познакомился с гитаристом Миком Боксом и органистом Кеном Хенсли. Название для группы выбрали по имени одного из персонажей Диккенса — Урия Гип (как это имя традиционно произносится по-русски). В 1970 году вышла первая пластинка новой группы, которая сразу же попала в немилость у критики, зато стала популярной у публики и сохраняла эту популярность довольно долго.

Если не самым лучшим, то уж, во всяком случае, наиболее известным диском стала пластинка «Посмотри на себя» с песней «Июльское утро» (1971 год). В 1976 году уходит Дэвид Байрон, и группа, можно сказать, лишилась своего лица — голос Байрона был узнаваем мгновенно. Сольная карьера Байрону не удалась, да и у группы дела пошли неважно, это, в свою очередь, привело к бесконечным сменам состава (кстати, к 1982 году там от старого состава остался один лишь Мик Бокс), а музыка стала совсем неинтересной.

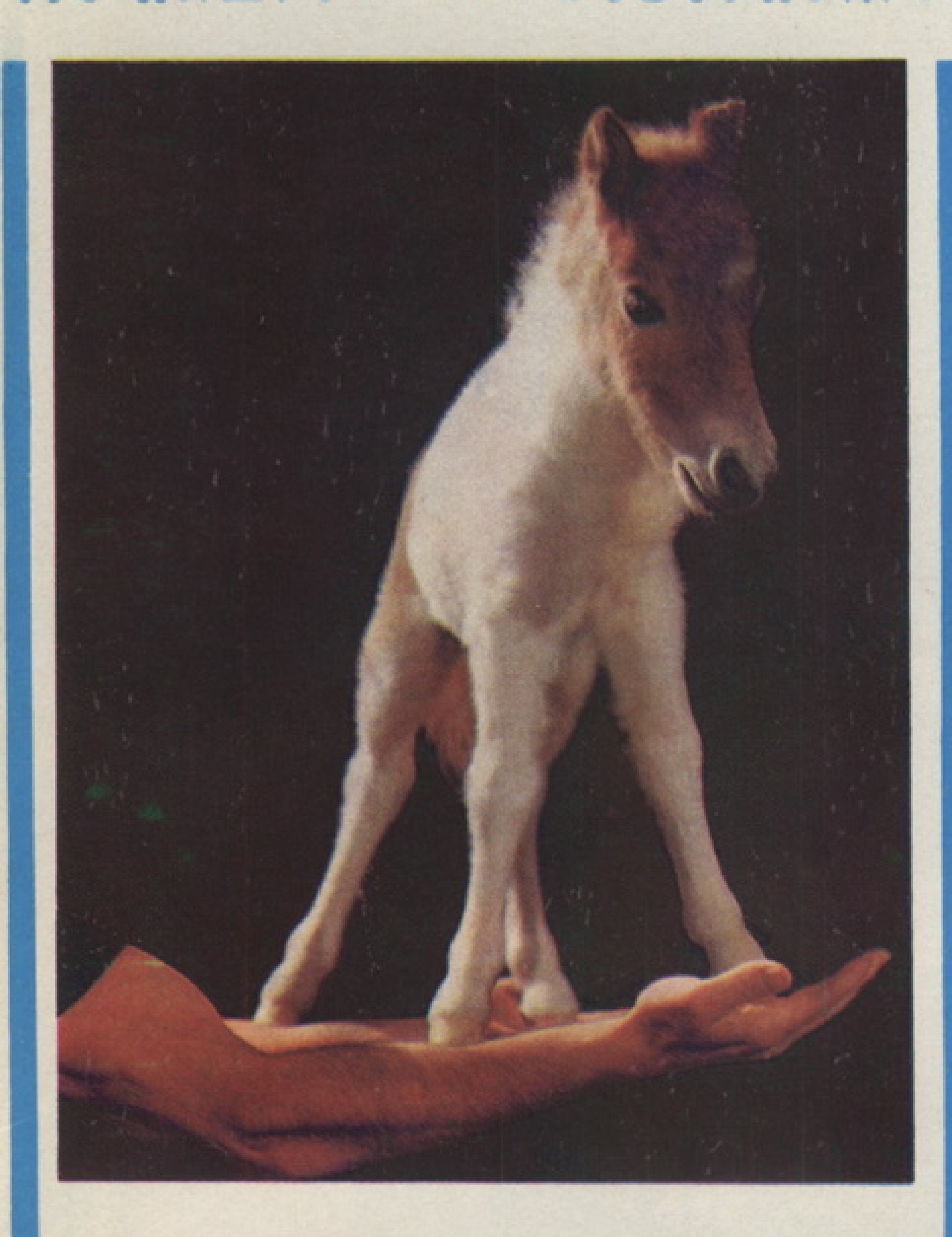
Последняя пластинка «Юрайя Хип» — «Экватор» (1985 год). В том же году умер в возрасте 37 лет Дэвид Байрон.

О соло-карьере Кена Хенсли мне известно немного. Знаю, что выпустил пару пластинок под собственным именем, а в последнее время играл в группе «Блэкфут».

Хотелось бы увидеть материал о группе «Йес».
М. Рукинов, г. Оренбург

Ансамбль «Йес» возник в 1968 году. В его состав тогда вошли Джон Андерсон (вокал), Крис Сквайр (бас-гитара), Питер Бэнкс (гитара), Билл Бруффорд (ударные) и Тони Кэй (орган). Потом состав неоднократно менялся, в лучшие годы, помимо Андерсона и Сквайра, ансамбль составляли гитарист Стив Хау, органист Рик Уэйкман и ударник Алан Уайт. «Йес» стали исполнять мудреные тексты под очень сложные мелодии, то и дело нарушаемые длинными гитарными соло — этого оказалось достаточно, чтобы группу причислили к так называемому «прогрессивному року». Дальше — больше. Если на первой пластинке, вышедшей в 1968 году, и на двух-трех последующих можно было говорить о песнях, то уже два-три года спустя основной музыкальной формой стали сюиты размером на одну сторону пластинки. Любить «Йес» в то время считалось признаком развитого интеллекта. Заметим попутно, что многие участники ансамбля выпускали сольные альбомы, наиболее удачливым оказался в этом смысле Рик Уэйкман. Потом группа, видимо, сама устала от своих сложных музыкальных опусов (как, например, пластинка «Сказки топографического океана», 1973 год) и пыталась перейти к более доступным формам, но из этого ничего не получилось. В 1981 году «Йес» не стало. Но самую большую неожиданность группа преподнесла, когда объединилась вновь (пришел новый гитарист Тревор Рэбин и старый органист Тони Кэй) и выпустила в 1984 году пластинку «90125».

Л. БОРИСОВ

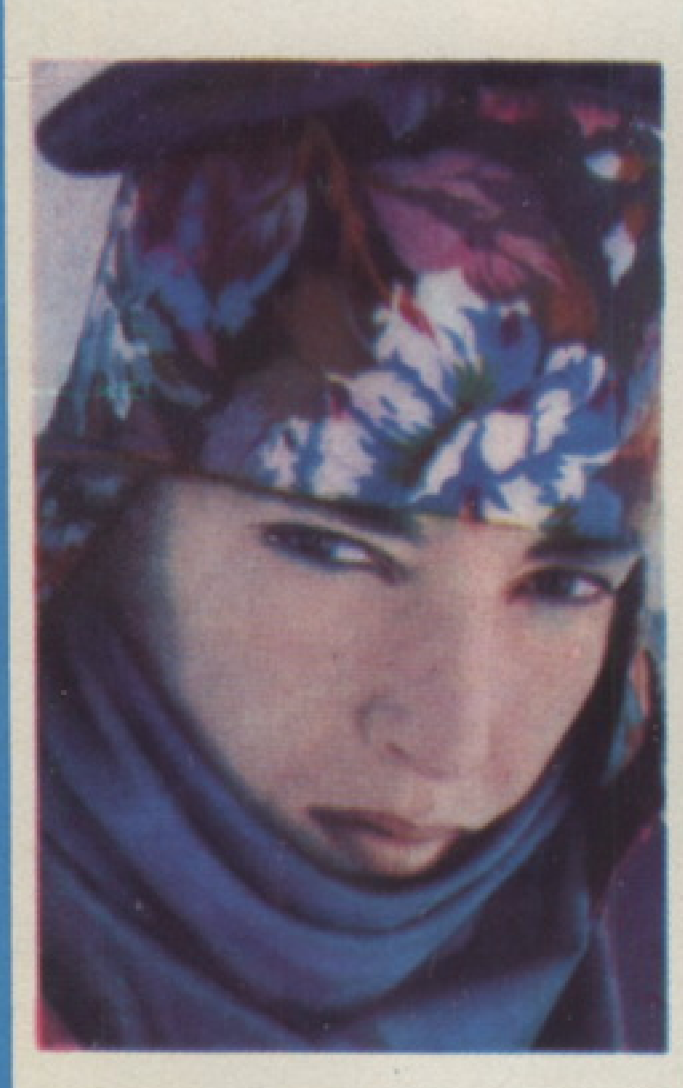
ТЕПЕРЬ И ДУРАКУ ПОНЯТНО! В Италии курильщиков уже не увещевают как раньше, подоброму, а преследуют. Табличками, надписями, плакатами, штрафами. В кинотеатрах, ресторанах, поездах и т. д. Приводят данные: к каким болезням ведет курение, сколько процентов никотина поглощает некурящий в компании курильщиков (пятьдесят!) и т. п. Но, пожалуй, самым действенным оказался скромный плакат, украшенный высказыванием Бернарда Шоу: «Сигарета — это бикфордов шнур, с одного конца которого — огонек, а с другого — дурак».

НЕ ЛАЮТ, НЕ МУРЛЫЧАТ... Эти лошадки (самые высокие — семьдесят сантиметров в холке) были выведены в XVI веке в Европе — для увеселения детей королей и герцогов. Потом жизнь маленьких лошадей стала тяжелой: они работали в шахтах, таскали ящики с углем. Сейчас трудяги заслуженно отдыхают в городских квартирах. И ржут тихонько, чтоб не досаждать соседям.

ЦИТАТЫ. Во многих зарубежных журналах есть рубрики, похожие на нашу «Что говорят... Что пишут...». В них бывает уголок цитат (недели, месяца, года). Одна из последних цитат, опубликованных американским журналом «Роллинг стоун»: «Министр образования Уильям Бенсон предлагает упразднить изучение иностранных языков в школе. Видимо, для того, чтобы впредь американцы были неграмотны только на родном языке».

КАК БУДЕТ «ФИРМА» ПО-АНГЛИЙСКИ! Вообще-то для рядовых англичанок это дороговато: одеваться так, как одевались русские крестьянки. Цены заставляют задуматься: а не дешевле ли ходить во всем английском? Но уж больно соблазнительна реклама: «Русский шик — для самых шикарных».

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Дэвид БИШОФ,
американский писатель

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Еще один день, призванный озарить его светом ученья, был позади. Дэвид брел домой, помахивая учебником по тригонометрии.

За спиной послышалось тарахтенье моторчика. Он обернулся. На зеленом мопеде сидела Дженифер Мак.

— Привет! — сказала она.

— А, привет,— отозвался Дэвид.

Больше сказать было нечего. Оставалось лишь выдать свое неумение связать пару слов за мужественную сдержанность. Дэвид двинулся дальше.

— Я хотела извиниться,— сказала Дженифер.— Из-за меня у тебя неприятности. Но я просто не могла сдержаться — так было смешно.

Слава богу, она болтала сама. Дэвид замедлил шаг и взглянул на нее.

— Нет, все о'кэй. Ты была великолепна.

Дженифер выключила мотор и недоверчиво переспросила:

— Я?

— Угу.— Дэвид не знал что сказать.

Дженифер нарушила неловкое молчание.

— Слушай, может, тебя подвезти?

— Давай,— автоматически отозвался Дэвид.

— Прыгай! — пригласила она.

— Гм... сейчас.— Дэвид устроился сзади, уцепившись рукой за сиденье.

— Где ты живешь?

— Недалеко.— Он указал ей направление.

— Держись крепче, поехали!

Дженифер Мак влилась в поток машин сиэтлского пригорода. Какой-то «фольксваген» погудел им. Мопед подскочил на бугре, и Дэвид едва не свалился. Черт, гонит как бешеная!

Когда Дженифер круто повернула в Вязовую аллею, Дэвид чиркнул подошвой по асфальту.

— Крепче хватайся! — крикнула она.

Дэвид сглотнул слюну и обвил руки вокруг Дженифер: ощущение было неописуемое. Ветер отбрасывал ее волосы прямо ему в лицо. Они были шелковистей, чем казались, а как пахли!

«Компьютеры ничем не пахнут»,— подумал он.

Вскоре они свернули, машин стало меньше, и Дженифер спросила:

— Слушай, а ты тоже хватанул пару, да?

— Угу,— рассеянно ответил он.

— Теперь нам обоим придется ходить летом в школу.

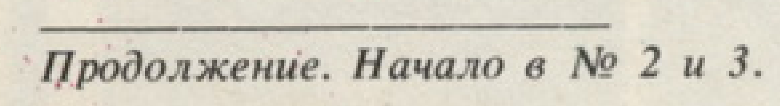
— Мне нет,— улыбнулся Дэвид.

— Почему? Разве тебе не надо пересдавать биологию?

«Нет, если подойдет пароль»,— самодовольно подумал Дэвид и сказал:

— Не думаю.

Дженифер помолчала, явно озадаченная.

Продолжение. Начало в № 2 и 3.

Рис. Н. БЕНУА

— Как же так?
— Заходи ко мне, увидишь.
— Ладно.
Мопед затарахтел по тихой улице, обсаженной молодыми дубами, мимо аккуратно постриженных живых изгородей, за которыми прятались односемейные дома. Дэвид показал свою калитку.
По дорожке уже мчался Ральф, приветствуя гостью.
— Твой? — спросила девушка.
— Ага,— ответил Дэвид, поглаживая сеттера по загривку.— Звать Ральфом. А это Дженифер. Она хорошая.
Дженифер вдруг почувствовала себя не вполне уверенно. Она остановилась. Дэвид тоже.
— ...Гм... то, что я хочу тебе показать, у меня в комнате,— до него вдруг дошло, в каком положении они оказались.— Моя комната... гм... наверху.
Дженифер решительно двинулась за ним.
— Родителей нет дома? — спросила она на лестнице. В ее голосе зазвучали странные нотки, словно происходило что-то необычное.
Дженифер молча поднялась за ним на второй этаж. При виде надписей на его двери «Запретная зона», «Вход только по пропускам», она рассмеялась.
— На меня это тоже распространяется?
— Нет,— ответил Дэвид, вытаскивая из кармана ключ.— Я отключил сигнализацию.— Он открыл дверь и посторонился, пропуская ее. Бр-р-р! Он совсем забыл, какой в комнате кавардак.
Дженифер, похоже, не обратила на это внимания. Она поразилась нагромождению аппаратуры.
— Ого, ты по-серьезному занимаешься компьютерами?
— Да. Я как раз хотел показать тебе.
— Но какое это имеет отношение к отметкам по биологии? — спросила Дженифер, разглядывая приборы.
— Сейчас покажу.
Дэвид боком проскользнул мимо нее и сел на продранный вращающийся стул. Он включил терминал и дал разогреться телевизору. Куда задевался этот дурацкий модем? Ага, вот он. Он потянулся к раздаточной коробке рядом с телефоном и вставил штекер в гнездо. Полистав испещренный карандашными надписями телефонный справочник, он нашел нужный номер.
— Что ты делаешь? — тихо спросила Дженифер.
— Набираю номер городской школьной системы.
На мониторе возникли строчки:
ОБЪЕДИНЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ ШКОЛ СИЭТЛА.
НАБЕРИТЕ ПАРОЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ И ЛИЧНЫЙ НОМЕР.
— Смотри, Дженифер,— продолжал Дэвид.— Они меняют пароль два раза в месяц.— Он сделал паузу для пущего эффекта.— Но я его знаю!
Он набрал на клавиатуре слово «грифель».
Экран немедленно очистился, и на нем высветился список подсистем на выбор.
— Ну, давай, Дженифер, теперь ты. Набери слова «оценки учеников».
— Нет, я не...
— Давай-давай,— улыбнулся Дэвид.— Компьютер не укусит.
Здесь, в своей стихии, он чувствовал себя гораздо увереннее. Она склонилась над клавиатурой и нажала на кнопки.
ОЦЕНКИ УЧЕНИКОВ — появилось на экране.
— Так. Теперь введем номер моей личной карточки... и привет! — объявил Дэвид.— Узри мои недостойные успехи.
Экран снова очистился, и внезапно на голубом фоне возникли белые буквы таблицы успеваемости некоего ЛАЙТМЕНА, ДЭВИДА А.
Дэвид подвинул курсор к графе «Биология» и исправил 2 на 4.
— Что ты наделал? — в ужасе воскликнула Дженифер.
— Поменял оценку, только и всего... Какой номер твоей карточки?
Дженифер назвала несколько цифр. Дэвид набрал их на клавиатуре. Экран предъявил ведомость оценок МАК, ДЖЕНИФЕР Д.
Дэвид уставился на дисплей, и тут Дженифер начала догадываться, чтó он собирается сделать.
— Слушай... Нельзя!
— Почему? Все очень просто.
— У меня потом будут жуткие неприятности.
— Успокойся. Никто не узнает. Смотри!
Дэвид навел курсор на оценку по биологии и одним движением превратил двойку в четверку.
— Ну вот. Теперь тебе не грозит никакая летняя школа.
— Верни обратно.— потребовала Дженифер.
— Почему? — Глаза у Дэвида полезли на лоб.— Клянусь тебе, они ни за что на свете...
— Сделай все как было! — рассерженно повторила Дженифер.
— О'кэй, о'кэй,— сказал Дэвид.— Пожалуйста. У тебя снова — пара.
— Я, наверное, пойду,— холодно сказала Дженифер.
— Да-да,— смущенно заторопился Дэвид.— Спасибо еще раз, что подкинула.
— Ладно.— Дженифер вышла на площадку и быстро сбежала по лестнице.
— Хочешь, я тебя прово...— начал было Дэвид, но Дженифер уже выскочила из дома. Дэвид подошел к окну и стал смотреть, как она отъезжает.
— Девицы,— бурчал Дэвид, чувствуя, как у него что-то обрывается в животе. До чего хорошенькая. Зря он так. Надо было постепенно подвести ее к идее, что компьютер — это инструмент восстановления справедливости. Программа, заложенная обществом в Дженифер, гласила, что человек не имеет права нарушать установленные правила.
Вообще-то Дэвида не особенно волновала оценка по биологии. Но какое удовольствие — обдурить этих пустозвонов, натянуть им нос, а они чтобы ничего не заметили! Такие вещи приводили Дэвида Лайтмена в восторг.
Он шагнул назад к компьютеру, поменял Дженниферову двойку по биологии на пятерку. Все. Шито-крыто.

Дэвид Лайтмен скормил остаток котлеты Ральфу, терпеливо дожидавшемуся под столом подачки, вытер руки бумажной салфеткой и стал смотреть пришедшие по почте рекламные проспекты. Из журнала «Новинки компьютеров» выпал плотный листок. Ого! Что такое?
Реклама была набрана броским шрифтом в два цвета. Текст гласил: «ФИРМА «КВАНТ» (ОТДЕЛЕНИЕ «ПРОТОВИЖН») НАЧНЕТ ЛЕТОМ ВЫПУСК НОВОЙ СЕРИИ ВИДЕОИГР».
Дэвид скоренько доел ужин, запил молоком и, извинившись, встал из-за стола. «Протовижн» расположена в Калифорнии. Стоило попробовать.
Он понесся к себе наверх.
— В один прекрасный день,— сказала мама, качая головой,— ты устроишь в доме пожар!
— Пожалуйста,— сказал Дэвид в телефонную трубку.— «Протовижн», Солнечная долина, Калифорния. Спасибо.— Внезапно у него мелькнула мысль.— Да, и назовите мне кодовые номера этого района.— Он быстро набросал цифры в блокноте.— Спасибо!
Сняв с полки маленький пластмассовый ящик, Дэвид пробежал пальцами по вложенным туда конвертам. Там хранились его гибкие магнитные диски с программами. Подумать только, что когда-то, несколько лет назад, он начинал с примитивного кассетного магнитофона. Естественно, что записывать и считывать программы с дисков было намного быстрее и удобнее. Теперь он хранил в ящике программы, написанные им самим.
Дэвид уже не раз пользовался телефонной сетью для подключения к чужим компьютерам. Выходило очень забавно. Теперь он хотел связаться с ЭВМ «Протовижн», найти в системе новые игры и скопировать их на свои гибкие диски.
В продажу видеоигры поступят только летом, а у него они будут уже сейчас. Раньше всех!
Итак, включаем модем в телефон...
НАБЕРИТЕ КОД И ПРЕФИКС НУЖНОГО ВАМ РАЙОНА.
Дэвид набрал несколько номеров.
Компьютер вызвал первый.

В трубке послышался слабый звонок. Сердитый голос ответил: «Алло!»

Не то. Компьютер начал искать тона, на которые отвечал другой модем. Если в трубке звучал человеческий голос, он тут же разъединял и набирал следующий номер.

Из предыдущего опыта Дэвид знал, что процесс мог затянуться на несколько часов. Специалисты «Протовижн» — не бараны, они не преподнесут вам свой модем на серебряной тарелочке. В стране развелось столько любителей разжиться информацией на дармовщину, что без строгой защиты своей ЭВМ фирмы быстро вылетят в трубу.

Экран монитора заполнился цифрами. Молодец, одобрил Дэвид. Старайся, старайся. Отключив звук монитора, он взял книжку в мягкой обложке, фантастический роман под названием «День Драконовой звезды», и погрузился в чтение.

На следующий день занятия в школе начинались с двенадцати. А в 10 раздался звонок.

— Привет! — Это была Дженифер Мак.— Знаешь, я передумала.

— Насчет чего?

— Насчет вчерашней отметки. Ты еще можешь изменить ее?

— Гм... Не знаю. Может не выйти.

— Почему?

— Гм... Не знаю. Они могли сменить пароль.

— Но могли и оставить.— Дженифер говорила по-прежнему мягко, но с настойчивостью в голосе.— Давай попробуем, а?

— Хорошо, приезжай...

Парень, конечно, со странностями, но умница, это точно. Если ему удастся переделать отметку, ей не придется торчать в летней школе, а ничего больше ей и не надо.

Его родителей опять не было дома. Она оглядела гостиную. Та очень напоминала их собственную гостиную и десяток других гостиных, где ей доводилось бывать. По крайней мере диван и кресла не покрыты пластиковыми чехлами. Они прошли наверх.

— Да, я забыла спросить, как Герман?

— В порядке. Крутит колесо, я приспособил к нему динамо — обеспечивает меня электричеством.

Она рассмеялась.

— Новое слово в технике?

— Точно.

В темной комнате жутковато светился телевизор. Дэвид зажег люстру. Дженифер подошла к монитору. На экране появлялись и исчезали телефонные номера.

— Не трогай клавиатуру,— предупредил Дэвид.

Она как ужаленная отскочила от кнопок.

— Не буду. А что он делает?

— Набирает номера. Одна калифорнийская фирма, «Протовижн», собирается через пару месяцев выпустить новую порцию видеоигр. Их программа скорей всего уже введена в компьютер фирмы, поэтому я велел своей системе проверить компьютеры Солнечной долины.— Он снял отводной наушник и дал его Дженифер.— Каждый компьютер отвечает на определенный тональный сигнал. Моя система пробует подобрать тот, который нужен.

Дженифер приложила резиновый кружок к уху. Какое-то попискивание и гудки.

— Ты что же, вызываешь каждый номер в Солнечной долине?

Лицо Дэвида расплылось в самодовольной улыбке.

— Это ведь жутко дорого, разве нет?

— Смотря для кого! — загадочно ответил Дэвид.

«Парень настоящий маньяк,— подумала Дженифер.— Спятил от большого ума».

— И долго он будет так гудеть? Мне бы хотелось побыстрее сменить отметку.

— Понимаешь,— ответил Дэвид, не отрываясь от экрана.— Я в общем-то... уже поменял ее.

— Что?! Я ведь запретила тебе делать это!

— Я был уверен, что ты передумаешь.

Ну и нахал!

— Так-с, посмотрим, до кого мы достучались...

На экране возникла надпись:

БАНК «ЮНИОН МАРИН», ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ.
ВХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Надо будет запомнить номерок,— произнес Дэвид.— Глядишь, пригодится когда-нибудь.

Дженифер заинтересованно придвинулась к аппарату.

Дэвид набрал следующий номер: экран заполнился названиями городов, датами, номерами рейсов. Это был отдел заказов авиакомпании «Пан-Ам».

— О, какой блеск! Давай слетаем куда-нибудь,— сказала Дженифер.

— Куда ты хочешь?

— В Париж. Это так романтично.

Два коротких удара по клавишам.

— О'кэй. Билеты заказаны.

Цифры вдруг исчезли, и экран пригласил: ВХОДИТЕ.

— Гм,— пробормотал Дэвид,— странно. Не называет себя. Попрошу помочь мне войти в систему.

— А это можно?

— Конечно. Некоторые системы помогают. Чем они сложнее, тем чувствительнее.

ПОМОЩЬ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА. ВАШ ПАРОЛЬ НЕ ОПОЗНАН СИСТЕМОЙ. СЕАНС ОКОНЧЕН.

— Что теперь? — удрученно спросила Дженифер.

— Знаешь,— возбужденно ответил Дэвид,— мне кажется, это и есть «Протовижн». А если так, то...

ПОМОГИТЕ С ИГРАМИ, набрал Дэвид.

Монитор тут же откликнулся:

ИГРЫ ОТНОСЯТСЯ К ТЕОРИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ, А ТАКЖЕ К ОТРАБОТКЕ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ.

— Ага! — завопил Дэвид.— Мы добрались до них! Включай машину, сможешь? Сделаем распечатку.

Дженифер, с удовольствием входя в роль ассистентки спятившего ученого, подошла к машине, в которую ткнул Дэвид, и нажала на кнопку ВКЛ.

ДАЙТЕ СПИСОК ИГР, потребовал Дэвид.

Экран пусто замигал.

— Ну, давай, давай, давай же! — простонал Дэвид, словно они сидели на ипподроме.

— Наверное, не сработало,— заключила Дженифер.— И вообще, Дэвид, это нехорошо. Давай лучше сходим в кино. Там как раз...

ИГРЫ,— оповестил монитор.

— Есть! — подскочил Дэвид.

Монитор продолжил:

ЛАБИРИНТ ФОЛКЕНА
ДВАДЦАТЬ ОДНО
ШАШКИ
ШАХМАТЫ
БЛИЖНИЙ БОЙ
ВОЙНА В ПУСТЫНЕ
ТАКТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ

— Что-что? — удивился Дэвид.— Это уже...

— Погоди,— перебила его Дженифер.— Там есть еще.

МИРОВАЯ ТЕРМОЯДЕРНАЯ ВОЙНА.

— Боже праведный,— протянул Дэвид.

— Это, наверное, типа управляемых ракет, да, Дэвид? — спросила Дженифер.— Попробуем сыграть?

День уже клонился к закату, когда Дженифер Мак влетела на стоянку перед Сиэтлским университетом. За спиной у нее, судорожно вцепившись в сиденье, прилепился Дэвид Лайтмен.

— Как, ты сказал, звать того парня? — крикнула Дженифер, виляя по узкому проезду.

— Джим Стинг,— ответил Дэвид. Сейчас он уже сомневался, что правильно поступил, попросив девушку привезти его сюда. Но он пришел в такое возбуждение, а ей нечего было особенно делать, так что оба, не раздумывая, сели на мопед и помчались, несмотря на час «пик», через весь город показать Джиму Стингу распечатку.

— Видела мою аппаратуру? — спросил он, подскакивая на очередной бетонной плите.— Думаешь, я все это купил? Дудки. Родители не миллионеры и к тому же не одобряют мое хобби.

— Точнее — твой бзик.

— Называй как хочешь. Так откуда деньги?

— Не знаю. Ограбил кого-нибудь?

— Лучше. Почти все приборы достал Джим Стинг. По дешевке.

— Как ты с ним познакомился?

— Тайна. Кто-то сказал, что он продает дисковод. Мы встретились, я закидал его вопросами, а вскоре уже половину времени проводил в его мастерской. Многому научился. В прошлом году все каникулы не вылезал оттуда. Узнал больше, чем за четыре года в нашей школе... Давай на холм, Дженифер.

Дженифер с обычной ловкостью выполнила маневр.

— Ставь здесь,— сказал Дэвид, указывая на стоянку для велосипедов.— И надень замок. Нынешним студентам нельзя верить.

Ремонтная мастерская располагалась в конце коридора. На стеллажах и столах лежала компьютерная аппаратура всех размеров, пол завален панелями и прочим хламом. Пахло горелой изоляцией. Из-за обшарпанной загородки торчали две ноги.

— Это и есть твой гений? — спросила Дженифер.

— Он самый. У Стинга даже в конечностях хранится запас информации. Добрых сорок восемь килобит. Подожди здесь.

Дэвид подошел к загородке.

— Хэлло, капитан.

Стинг высунул голову, стукнувшись при этом о косяк:

— Господи!

— Нет, его младший брат.

— Лайтмен! — улыбнулся Стинг, почесывая ушибленное место. Это был коренастый молодой человек в фланелевой рубашке поверх линялых джинсов.— Эй, Мэлвин, можешь не выкатывать пушку — это Дэвид Лайтмен. Давненько не появлялся, Дейв. Я уж думал, ты угодил в «черную дыру».

Из-за стеллажа появился Мэлвин, худой парень изнуренного студенческого вида.

— Взгляни на эту штуковину, капитан,— сказал Дэвид, доставая из кармана распечатку.

— Салют, Лайтмен,— произнес Мэлвин.— Как там твой компьютер — ловит на живца? Что это ты приволок?

Он взял распечатку.

— Откуда это у тебя?

— Пытался пролезть в «Протовижн». У них готовы программы новых игр, хотел добыть.

Стинг вырвал бумагу и поправил сползающие очки.

— «Мировая термоядерная война». Такого у «Протовижн» не может быть.

— Конечно, нет,— проворчал Мэлвин.— Спроси, где он это откопал.

— Я же сказал где.

— Военная информация,— продолжал Мэлвин.— Точно тебе говорю.— Он с подозрением уставился на Лайтмена.— Возможно, секретная.

— Да,— согласился Дэвид.— Я тоже подумал об этом. Но если она военная, почему идет вслед за шашками и шахматами?

— Может, это игры для обучения основам стратегии? — предположил Джим Стинг.

Тут Мэлвин заметил Дженифер, наблюдавшую за ними из коридора.

— Кто это?

— Она со мной.

— А чего подслушивает? — нахмурился Мэлвин.

— Она не подслушивает. Она привезла меня сюда,— объяснил Дэвид.— Дженифер, заходи. Познакомься с моими друзьями.

Дженифер неуверенно шагнула в помещение. Дэвид представил молодых людей. Мэлвин нервно заулыбался, а Стинг старательно отвел глаза. Как будто, мелькнуло у Дэвида, девушка знала о них какую-то страшную тайну.

— Скажу честно, Джим, мне жутко хочется влезть в их систему. Игры должны быть потрясные. Никогда не встречал такого!

Мэлвин заправил в брюки вылезший край рубашки.

— Тебе и не положено встречаться с такими вещами. Не сомневаюсь, кстати, что у системы новый алгоритм шифровки данных и ты никогда не расколешь ее.

— Ни одна система полностью не застрахована,— упрямо замотал головой Дэвид.— Уверен, Джим сумеет подключиться.

Мэлвин взглянул на своего коллегу.

— Даже Джиму это не по зубам, друг мой.

Оба ждали ответа от толстяка Стинга. Мэлвин с вызовом, Дэвид с надеждой. Джим поскреб облупившийся от загара нос.

— Через фронтальную защиту не пробьешься. Нечего и стараться.

Мэлвин фыркнул.

— Но,— продолжал Джим с хитрой усмешкой,— можно попробовать заглянуть с черного хода.

Узкие глаза Мэлвина округлились.

— Ты что, спятил? Здесь сидят посторонние, а ты толкуешь Лайтмену про черный ход!

— Не мороси, Мэлвин,— добродушно хохотнул Стинг.— Черный ход — не государственная тайна.— Его выпуклый живот заходил ходуном.

— Но ты выдаешь секреты нашей фирмы,— не успокаивался Мэлвин.

— Какие секреты? Что за черный ход? — вцепился в них Дэвид.

Джим подтянул брюки — он делал это всякий раз, готовясь к объяснениям,— и скрестил на груди руки.

— Когда я конструирую систему, я всегда кодирую ее простым паролем-ключом, известным только мне. Потом, если мне надо войти в нее, я могу с его помощью обойти любую добавленную позже защиту.

«Невероятно! Потрясающе! — подумал Дэвид. Это же ясно, как дважды два, почему я не подумал о такой простой вещи!»

— Если ты действительно решил влезть в систему, тебе надо собрать максимум сведений о парне, который ее сконструировал.

— Откуда я это узнаю? — сказал Дэвид упавшим голосом.

— Тогда...— развел руками Джим.

— Дай-ка взглянуть,— нетерпеливо сказал Мэлвин.— До чего ж вы тупые, парни! Автора можно вычислить.

— Каким образом, Мэлвин? Не томи!

— Смотрите название первой игры, тупицы! — хитро сощурился Мэлвин.— «Лабиринт Фолкена». Автограф мог оставить только малый, составивший программу для этой серии игр.

— Похоже. Не исключено, что он хорошо известен,— согласился Стинг.— Вот так, Дэвид. Прежде чем тыкаться, надо узнать, что за птица этот Фолкен... Поройся в библиотеке.

— Только смотри в оба,— предупредил Мэлвин.— Это действительно может быть игра. Но играют в нее такие мастера, что ловкачи вроде тебя сразу попадут в ловушку.

— Если я подключусь,— засветился улыбкой Дэвид,— меня не поймают. Они могли завести новые программы, которые я вставлю в свои собственные игры.

— Полный вперед, Лайтмен,— напутствовал его Джим Стинг.— А сейчас с позволения присутствующей здесь дамы я займусь делом. Работа не ждет.

На обратном пути Дэвид спросил Дженифер:

— Поняла что-нибудь?

— Не очень,— призналась она.— Кажется, ты собираешься сделать какую-то пакость.

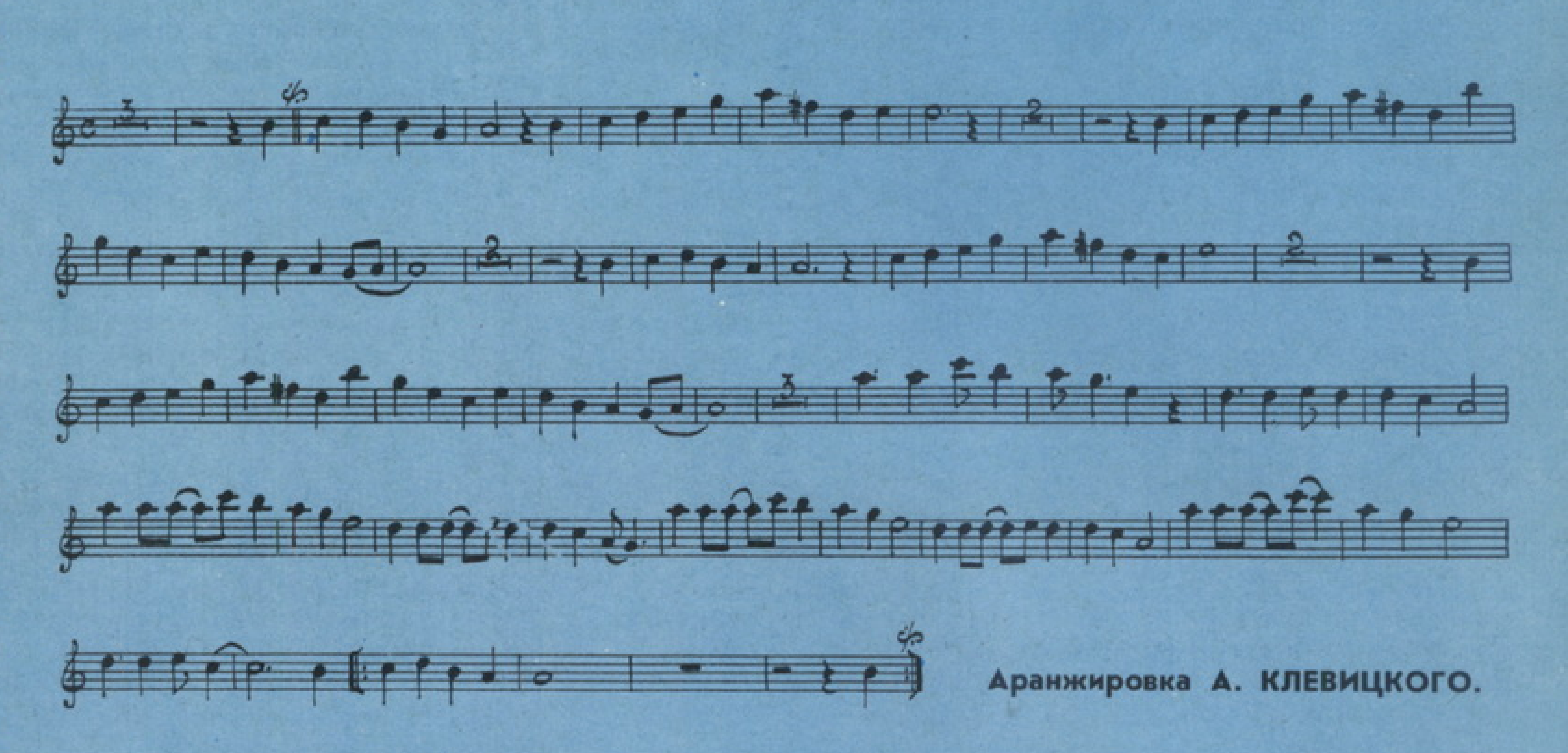
— Да нет. От этого никому не будет вреда,— возразил Дэвид. Мысли его были уже далеко. Впереди ждала захватывающая перспектива поломать голову над трудной задачей.— Просто хочу словить кайф.

Перевел с английского М. МАШИН

Продолжение следует

Английский певец и композитор Стинг, лидер группы «Полис», снявшийся в нескольких кинофильмах, был известен как музыкант, «такой далекий от политики»...

Недавно Стинг немало удивил всех, выпустив сольную пластинку с песнями, самыми что ни на есть злободневными. «Поход детей» — о борьбе детей всего мира за мир. «Русские» — о том, что нечего пугать «красной угрозой», русские не хотят войны, они знают: «в этой войне не победит никто». В песне «Мы разрабатываем черный пласт», которая публикуется на этой странице, говорится о борьбе английских горняков за свои права. «Этот уголь — на нем капли нашей крови. Это мы прорыли туннели в земле и в душе народа. Мы значим больше, чем ваши фунты и пенсы, так почему же нас лишают работы!»

Аранжировка А. КЛЕВИЦКОГО.

1. This Place has changed for good
Your Economic theory said it would
It's hard for us to understand
We can't give up our jobs the way we should
Our blood has stained the coal
We tunneled deep inside the Nation's soul
We matter more than pounds and pence
Your Economic theory makes no sense

Припев:

One day in a nuclear age
They may understand our rage
They build machines that they can't controle
And bury the waste in a great big hole
Power was to become cheap and clean
Grimy faces were never seen
But deadly for twelve thousand years
is carbon fourteen
We work the black seam together

2. The seam lies underground
Three millions years of pressure packed it down
We walk through ancient forest lands
And light a thousand cities with our hands
Your dark satanic mills
Have made redundant all our mining skills
You can't exchange a six inch band
For all the poisoned steams of Cumberland

Припев.

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. «Нет — гонке вооружений!», «Нет — ядерному кошмару!», «Нет — «звездным войнам»!» — требовали посланцы молодежи планеты, собравшись на свою встречу в Москве. И Москва твердо и надежно защищает интересы молодого поколения, интересы всех жителей Земли: в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в советских мирных инициативах миру предложена конкретная программа — войти в третье тысячелетие без ядерного оружия, всем народам земли жить в мире.

Фото на первой странице обложки Е. СТЕЦКО

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ
Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА [зам. главного редактора], Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ
Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Максимова
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 11.02.86. Подписано в печ. 19.03.86. А07669. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 35.
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.